

ПРЕПОДОБНЫЙ

СЕРАФИМ
САРОВСКИЙ

Житие, наставления

Annotation

Серафим Саровский (в миру Прохор Мошнин) (19.07.1753-2.01.1833), русский святой и духовный мыслитель. В 1786 Прохор был пострижен в иноки с именем Серафима, а в следующем году рукоположен в диаконы. Приняв этот сан, св. Серафим почти все время стал проводить в молитве, не выходя из храма. Участвуя в богослужениях, видел он святых Ангелов, сослужащих священнослужителям и поющих с братиею.

Старец Серафим учил, что цель христианской жизни состоит в стяжании (обретении) Духа Святого,

объяснял условия этого стяжания (трезвение души и духа, чистота плоти) и его средства (пост, молитва, добрые дела). Серафим Саровский канонизирован в 1903. Память ему отмечается 2/15 января и 19 июля/1 августа.

Издание предлагается и для воцерковленных людей, и для людей только начинающих свой путь к Богу.

- [Преподобный Серафим Саровский. Житие. Наставления](#)
 - [Молитва преподобному Серафиму Саровскому](#)
-

Преподобный Серафим Саровский. Житие. Наставления

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской
Православной Церкви (ИС 14-402-
0180)*

Молитва преподобному Серафиму Саровскому

О, великий угодниче Божий,
преподобие и богоносне отче наш
Серафиме! Призри от горния славы
на нас, смиренных и немощных,
обремененных грехми многими,
твоя помощи и утешения просящих.
Проникни к нам благосердием твоим
и помози нам заповеди Господни
непорочно сохранять, веру
православную крепко содержать,

покаяние во гресех наших усердно
Богу приносить, во благочестии
христианством благодатно
преуспевати и достойны быти твоего
о нас молитвенного к Богу
предстательства. Ей, святче Божий,
услыши нас, молящихся тебе с верою
и любовью, и не презри нас,
требующих твоего заступления: ныне
и в час кончины нашей помози нам и
заступи нас молитвами твоими от
злых наветов диавольских, да не
обладает нами та сила, но да
сподобимся помощью твоею
наследовати блаженство обители
райския. На тя бо упование наше
ныне возлагаем, отче благосердый:
буди нам воистину ко спасению

путевождь и приведи нас к
невечернему свету жизни вечныя
Богоприятным предстательством
твоим у престола Пресвятыя Троицы,
да славим и поем со всеми святыми
достопокланяемое имя Отца и Сына
и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Житие преподобного Серафима Саровского (1759– 1833)

«Сей, отец Тимон, сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камне, сей при пути, сей и в тернии: все где-нибудь да прозябнет и возрастет, и плод принесет, хотя и не скоро».

Последнее

*наставление
преподобного
Серафима
Саровского
пустыннику, а
впоследствии
игумену, отцу
Тимону*

Молодость

«Поминай моих родителей, Исидора и Агафию», – сказал с любовью прп. старец Серафим, прощаясь с пришедшим к нему игуменом Высокогорской пустыни. Помянем же и мы добрых его родителей, чью память он чтит до самой своей кончины.

Отец св. Серафима Саровского Исидор Мошнин был строителем-подрядчиком, а мать Агафия, ставши вдовой, продолжала дело мужа. Житель города Курска, Исидор Мошнин принадлежал, как сам о нем говорил св. Серафим, к сословию купеческому, тому зажиточному

сословию России XVIII века, которое умело нести ответственность за техническую исправность своих предприятий и тем самым способствовало в большой мере созиданию русского национального достояния. Занимаясь стройкой различных зданий, каменных домов и даже церквей, курский строитель сам производил необходимый ему строительный материал на собственных кирпичных заводах. Последним и лучшим предпринятым им делом было сооружение большой церкви во имя прп. Сергия Радонежского в самом городе Курске; но благочестивый купец за последние десять лет своей жизни

успел закончить лишь нижний храм св. Сергия, а еще предстояло воздвигать верхний. После его кончины, последовавшей в 1762 году, жена его Агафия продолжала работы в течение шестнадцати лет. Храм был окончен в 1778 году – то был год поступления св. Серафима в Саровский монастырь; гораздо позже – опять примечательное совпадение – в 1833 году, то есть в год смерти св. Серафима, храм этот стал кафедральным собором города Курска.

Хотя Агафия Мошнина не была подрядчицей в техническом смысле этого слова, она все же оказалась способной надзирать за ходом работ

после смерти своего мужа и довести постройку храма до конца в сравнительно краткое время. С одним из ее посещений строившейся церкви связан первый знаменательный эпизод в жизни св. Серафима. Как-то раз Агафия Мошнина, взяв с собой на стройку семилетнего сына своего Прохора (таково было имя, данное св. Серафиму при Крещении), взошла с ним на верхушку колокольни; резвый Прохор, как все дети, захотел посмотреть вниз и нечаянно упал с довольно большой высоты. Смерть грозила ему после такого падения, но когда мать сбежала с колокольни, то увидела Прохора, стоявшего целым и

невредимым... О, благочестивая мать, Бог возвращает тебе сына живым! Надо ли говорить о благодарности, наполнившей твое сердце при явлении такого чуда?

Через несколько лет второй необыкновенный случай навел мать на мысль об особенном промысле Божием касательно ее сына. Десятилетний Прохор, мальчик весьма крепкого сложения и привлекательной по живости и красоте наружности, вдруг сильно заболел, и снова Агафия стала опасаться за жизнь своего любимого сына. Положение казалось безнадежным, но в самый критический момент болезни

мальчику во сне явилась Божия Матерь с обещанием лично прийти и исцелить его. Верующей семье Мошниных оставалось предаться надежде на обещанное выздоровление. В то время по улицам Курска устраивали крестные ходы с иконой Знамения Божией Матери. Когда крестный ход приближался к дому Мошниных, случился сильный дождь, что заставило шествие свернуть во двор Агафии; видя это, окрыленная верою мать поспешила вынести больного сына и приложить его к чудотворной иконе. С того дня Прохору стало лучше, и скоро он совсем окреп. Рука Божия второй раз возвращала к

жизни сына Агафии. Несомненно, столь дивные знамения должны были впоследствии укрепить сердце матери, когда ей пришло время отдать любимого сына на служение Богу, – беспрекословно.

Со времени чудного исцеления жизнь Прохора протекала спокойно. Он выучился читать по-русски и по-славянски, выучился писать и считать столь успешно, что старший брат его Алексей, занимавшийся торговым делом, брал Прохора себе в помощники, в лавку; там мальчик постигал искусство купли, продажи и барыша... «Мы, бывало, – говаривал сам старец Серафим, – торговали товаром, который нам

больше барыша дает!» Да кто не помнит, как прп. Серафим любил заимствовать образы и термины из купеческого дела, чтобы лучше разъяснять высшие духовные пути: «Стяжевайте (то есть приобретайте) благодать Духа Святого и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыльок дают. Собирайте капитал благодатных избытков благодати Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невещественных, и не по четыре или по шести на сто, но по сту на один рубль духовный, но даже еще того в

бесчисленное число раз больше. Примерно: дает вам более благодати Божией молитва и бдение, бдите и молитесь; много дает Духа Божиего пост, поститесь; более дает милостыня, милостыню творите... Так и извольте торговать духовно добродетелью...» [1].

Отрочество Прохора протекало в среде, благоприятной для его духовного развития. Когда в нем стало проявляться тяготение к чтению духовных книг, к посещению церковных служб, порой весьма ранних, или же к дружбе с почитаемым в Курске юродивым, со стороны его глубоко верующей матери не оказалось никаких

преград. Среди своих сверстников, купеческих детей, сын Агафии имел верных друзей, которые так же, как и он, стремились к жизни духовной. Нам известно, что четверо из них стали впоследствии иноками.

Достигнув 16-ти лет, Прохор уже определенно избрал путь монашеского подвига и просил на то благословение матери. В те времена родительское благословение имело исключительное значение для детей и являлось торжественным и святым знаком благоволения Божия на избранный жизненный путь. Прохор поклонился своей матушке в ноги, она благословила его большим медным крестом, который он принял

из рук ее. До конца жизни св. Серафим носил этот медный крест на груди, поверх одежды, показывая тем самым свою духовную связь со своей христианкой матерью, а также и силу родительского благословения.

В городе Курске хорошо была известна Саровская пустынь [2], где пребывали в монашестве некоторые жители этого города, как, например, иеромонах Пахомий, в миру Борис Назарович Леонов, ставший игуменом в Сарове за год до поступления туда Прохора, а прежде с детских лет знавший родителей его, Исидора и Агафию. Склоняясь к поступлению именно в Саров, юный Прохор пожелал иметь

подтверждение свыше на свой выбор и для сего отправился в Киево-Печерскую Лавру, почитавшуюся, особенно в те трудные для монашества времена, несомненной главной нашей духовной святыней. Прохора сопровождали его друзья из курских купцов; все шестеро шли пешком, а пройти надо было из Курска в Киев около 500 верст.

Добравшись до Киева, паломники начали обходить все святые места древней Лавры. В так называемой Китаевской обители жил затворник Досифей, имевший дар прозорливости. К нему и направился Прохор, прося его наставления. Вот что ответил затворник юному сыну

Агафии: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо (то есть в Саровской пустыни). Место сие тебе будет во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие свое. Только старайся стяжать непрестанную память о Боге чрез непрестанное призывание имени Божия, (молясь) так: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!* В этом да будет все твое внимание и обучение: ходя и сидя, делая (работая) и в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах и в сердце твоём; с ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную, и

вселится в тебя Дух Святой, источник всяких благ, и управит жизнь твою во святые... В Сарове настоятель Пахомий – богоугодной жизни; он последователь наших Антония и Феодосия!»

В этом ответе, записанном в жизнеописании старца Серафима, изданном Дивеевским монастырем в 1874 году, ясно выступает духовное единство православной монашеской традиции, в которую включился вскоре Прохор, а также как бы уже намечен весь его жизненный путь с высшим его достижением: и вселится в тебя Дух Святой... Восприняв по вере и без сомнений слова св. затворника Досифея [3] ,

Прохор вернулся в Курск, где пробыл еще около полутора лет. Предание говорит, что он еще ходил в лавку брата, но торговлей больше не занимался, а приходящим к нему рассказывал о святых киевских местах и читал им духовные книги. Так мирно, как в свое время прп. Сергей Радонежский, молодой Прохор готовился покинуть свой дом.

Послушник

Святой жизни игумен Пахомий принял Прохора в Саровскую обитель 20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы.

По Летописи Дивеевской мы можем проследить, какие послушания нес молодой послушник Прохор в течение восьми лет: сперва он был келейником у казначея иеромонаха Иосифа, далее работал в хлебне, просфорне, столярне; так удачны были его столярные изделия, что его даже стали прозывать Прохор-столяр.

Он был будильщиком, затем

пономарем; были и более тяжелые труды, как сплавка леса и заготовка дров. Сам о. Серафим, вспоминая свои молодые годы, говорил: «Вот и я, как поступил в монастырь-то... на клиросе тоже был, и какой веселый-то был... бывало, как ни приду на клирос-то, братья устанут, ну и уныние нападает на них, и поют-то уж не так, а иные и вовсе не придут. Все соберутся, я и веселю их, они и усталости не чувствуют... ведь веселость не грех... она отгоняет усталость, да от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет, оно все приводит с собою...» {1}.

Особенность молодого послушника состояла еще в том, что

он с самого начала своей иноческой жизни предавался посильному чтению духовных книг. Один из агиографов св. Серафима, В.Н.Ильин, правильно замечает, что «острая, исключительная память и неустанное прилежание помогли ему (св. Серафиму) овладеть Священным Писанием [4], святоотеческой житийной литературой и аскетической в небывалых размерах. Про него можно сказать, что он был как бы упитан святой письменностью» [5] {12}.

Будучи послушником, Прохор показал себя исключительным подвижником: в среду и в пятницу он не принимал пищи, а в другие дни

ел всего лишь раз в день; спал он весьма мало, часа три в ночь, исполняя неукоснительно трудное правило св. Пахомия Великого. В чаще Саровского леса издавна жили пустынноики, предававшиеся всецело молитве; сам Прохор получил благословение от своего старца Иосифа уходить в лес для уединенной молитвы в свободное от послушаний время. Здесь он совершал правило св. Пахомия. Два года спустя по вступлении в монастырь Прохор перенес очень тяжкую болезнь, которая продолжалась около трех лет. Врачи того времени не могли точно определить вид болезни, но

склонялись к тому, что это была водянка: распухшее тело Прохора не позволяло ему двигаться, и он почти все время болезни пролежал. Состояние его, как и при первой серьезной болезни в детские годы, казалось по истечении трех лет безнадежным. Трогателен был неусыпный уход за больным со стороны игумена Пахомия, а также и казначея Исаии. Несмотря на их просьбы, Прохор отказался от вмешательства врачей в критический момент, предавая себя всецело на волю Божию. Была отслужена Божественная литургия, больного приобщили, после чего ему стало лучше, и он, непонятным для всех

образом, выздоровел. Лишь впоследствии, незадолго до кончины, св. Серафим поведал о том, что в тот день случилось: причастившись, он увидел сияющую Фаворским светом Божию Матерь, подошедшую к нему в сопровождении апостолов Петра и Иоанна. Указывая на Прохора, Она сказала Иоанну: «Сей – нашего рода!» При чем, правую руку Она положила на голову больного, а жезлом коснулась его правого бедра, где вскоре открылась большая рана, из которой вытекла вся вода. От этой раны остался след на всю жизнь в бедре святого, который, в подтверждение совершенного чуда, давал матери Капитолине,

«церковнице» основанной им общины, вложить весь кулак в углубление своего правого бедра, как некогда Христос давал Фоме вложить руку в ребро Свое.

Слова, сказанные Божией Матерью столь молодому послушнику, лишь два года пробывшему в монастыре, наводят на нас некий страх и трепет... Из дальнейшей жизни св. Серафима мы увидим, что Божия Мать избрала Себе в лице преподобного удивительно верного послушника, которому поручила нелегкое дело создания Дивеевской новой женской обители. Сам святой называл себя «служкой» Божией Матери, говоря,

что без Ее указания он ничего не делает, а все делает Она. Слова Богородицы не смутили Прохора, отрешенного от всего земного столь продолжительной и тяжелой болезнью; в третий раз он был спасен от смерти, и Царица Небесная опять приняла прямое участие в его исцелении, указывая Своими словами не только на пройденный Прохором путь, но и на высоту его дальнейших подвигов: ему надлежало осуществить великое Мариино послушание, вынести особенно тяжелый крест, утвердиться в высшем девственном целомудрии. Так Божия Матерь готовила Себе, с самого начала его

монашеского пути, великого по смирению сотрудника и мудрого исполнителя Своих велений.

Когда Прохор вполне окреп, игумен Пахомий послал его собирать деньги на постройку в Саровском монастыре больничной церкви. Труд по сбору денег не считался легким, но благодарный послушник охотно исполнял его, обходя окружные города.

Дойдя до Курска, Прохор узнал, что мать его уже умерла. Брат же его Алексей пожертвовал на постройку Саровской церкви немалую сумму. Когда сборщик вернулся в Саров, то, в знак благодарности за исцеление, сам приступил к сооружению

прекрасного нового престола из
кипарисового дерева,
предназначенного для нижнего
этажа больничного храма.

Годы зрелости

В 1786 году, 27-ми лет от роду, Прохор был пострижен в монашество с именем Серафима и в том же году посвящен во диакона. Служение его в этом сане продолжалось шесть лет, причем о. Серафим почти не выходил из церкви.

Здесь надо отметить первое указание свыше о. Серафиму на великое дело, которое он имел завершить в последние годы своей жизни, и для этого предварительно кратко указать на путь и призвание некоей Агафьи Семеновны, вдовы полковника Мельгунова, богатой дворянки-помещицы Ярославской

области, имевшей до семисот душ крестьян. Рано овдовев, Агафия положила окончить жизнь в известном Флоровском Киевском монастыре, где и постриглась под именем Александры; но вследствие явлений ей Божией Матери, указавшей ей идти на север и быть основательницей великой в будущем обители, она, скрывая по совету Киево-Печерских старцев свое монашеское звание, после многих странствий осела неподалеку от села Дивеева. Это село, находившееся в двенадцати верстах от Сарова, на первый взгляд вовсе не было подходящим для женской обители, ибо было населено разгульными

рабочими-шахтерами, работавшими на железных приисках, и почиталось опасным. Несмотря на это, село Дивеево было указано матери Александре вновь явившейся ей Царицей Небесной.

Мать Александра познакомилась с Саровскими старцами, сперва с предшественником о. Пахомия, святой жизни игуменом Ефремом, затем с о. Пахомием, о. Исаией, о. Иосифом и другими. Опытные в духовной жизни старцы саровские помогли матери Александре в деле создания небольшой женской общины в Дивееве, где на ее средства уже была выстроена приходская

церковь на месте явления ей Богоматери. Впоследствии мать Александра помогла Саровским игуменам достроить храм в честь Успения в самой пустыни, пожертвовав им немалые суммы. В 1789 году мать Александра скончалась, поручив заботу о своей юной общине о. Пахомию, который, будучи уже старым и слабым, в свою очередь поручил так называемых дивеевских сирот о. Серафиму.

В описываемое время о. Серафиму было 30 лет. Дияконом он уже служил три года и, спустя новые три года, должен был стать иереем, после чего ему предстояло в течение 36-ти лет проходить различные

подвиги, преимущественно в уединении, и только в конце своей жизни, за семь лет до кончины, по указанию вновь явившейся ему Богоматери, ему суждено было приступить особенно деятельно к созданию новой великой обители в Дивееве, той обители, будущее которой Сама Царица Небесная предсказала матери Александре Мельгуновой. Удивителен, по долготе своей, срок между первым указанием на возложенное на о. Серафима дело и его осуществлением в конце жизни старца!

Пока диаконское служение о. Серафима было ознаменовано

видением Ангелов, сослужащих в церкви, сердце его таяло как воск, от неизреченной радости в это время. Известно великое видение, данное ему в Страстной Четверг за литургией; возгласив: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны...» и подняв орарь, диакон Серафим уже не мог ни говорить, ни двигаться с места. Его ввели в алтарь, где около трех часов он находился в необычном состоянии. Игумен Пахомий узнал после, что о. Серафиму было дано увидеть Самого Господа славы, окруженного всеми Ангельскими чинами, «будто бы роем пчелиным», как образно выразился о. Серафим. Христос, от

западных врат идя по воздуху, дошел до амвона, благословил служащих и молящихся, особо же самого Серафима, после чего, сияя неописуемым Фаворским светом, вошел в Свой образ на иконостасе.

Игумен Пахомий, друг родителей диакона Серафима с молодых лет, несомненно давно уже знавший необыкновенную духовную одаренность их младшего сына – послушника своего, вовсе не спешил проводить его по ступеням духовного пути: 8 лет Серафим был послушником, 7 лет диаконом и был рукоположен во иерея лишь на 34-м году своей жизни... Опытный в духовной жизни игумен Пахомий

знал, что умудрение, хотя бы даже и очень одаренной души, не сразу достигается, человек не вдруг меняется, но вырастает в Божественную жизнь путем долгого и смиренного подвига.

После того, как епископ Тамбовский рукоположил диакона Серафима во иерея в Тамбове, в 1793 году, новопоставленный служил, говорит летопись, долгое время ежедневно. От почти непрерывного стояния у о. Серафима ноги до такой степени опухли и покрылись ранами, что он уже не в состоянии был продолжать священническое служение. К этому времени, в 1794 году, в Сарове скончался любимый

всеми игумен Пахомий, под сенью которого до сих пор мирно протекала иноческая жизнь о. Серафима. Грустно было последнему расставаться со своим наставником; желая его утешить на смертном одре, о. Серафим обещал ему исполнить завет его об охране Дивеевской общины.

Но в описываемые дни о. Серафиму пришлось изменить образ жизни из-за упомянутой выше болезни ног; испрося благословение нового игумена, о. Исаии, он удалился в так называемую «дальнюю пустыньку», то есть уединенный деревянный домик в лесу, в 5–6 верстах от Сарова. Тут

началась его отшельническая жизнь, продолжавшаяся 15 лет. В этом лесу жили и другие отшельники, славившиеся своей святой жизнью; нам известны имена игумена Назария, о. Дорофея, св. схимонаха Марка.

Келья о. Серафима находилась на холме, у подножия которого протекала речка Саровка; вокруг кельи был огородик, окруженный забором. Тропинки, ведущие к келье, были завалены ветками, бревнами, сучьями, так что до нее не было доступа, особенно для женщин, которых, по указанию свыше, о. Серафим не считал возможным принимать в глуши лесной.

Последние могли обращаться с их духовными нуждами к священникам-монахам, жившим в самой лавре.

Среди векового Саровского леса, где под покровом сосен и елей жили дикие звери, о. Серафим начал новый подвиг, подвиг отшельничества, связанный с суровыми лишениями: он страдал от холода, от однообразной и скудной пищи (лишь много лет спустя узнали, что почти три года он питался одной травой «сниткой», которую отваривал с корнями), страдал от комаров, от которых не защищался; порой, когда он рубил деревья или колот дрова, все тело его покрывалось кровавыми пятнами от

их укусов.

Аскетические подвиги последователя древних христианских пустынников имели целью приобретение постоянной сердечной обращенности к Богу. Слова, которые о. Серафим сказал о Саровских подвижниках, можно отнести всецело и к нему: подвижники суть «огненные столпы от земли до небес»! Днем и ночью о. Серафим носил на себе тяжелые железные кресты, клал по тысяче поклонов сряду, исполнял каждодневно длинное правило св. Пахомия Великого, справлял церковные службы, усиленно читал Священное Писание, а ночному отдыху уделял

не более трех часов.

Когда новый Саровский подвижник ходил по лесу, то всегда носил с собой в суме за спиной Евангелие. Ум должен «как бы плавать в законе Господнем!» – учил о. Серафим, ибо слово Божие есть истинная пища разума, от которой он просвещается. Ум делается способным подлинно различать, что есть добро и что есть зло. Очищение ума сопровождается прозорливостью, даром, при наличии которого ум человеческий находится в молчании, предоставляя свободный путь мыслям Божественным, и тем самым достигает высшего познания. Любил о. Серафим, ходя по лесу,

следовать земному пути Христа от Вифлеема до Назарета, от Назарета до Иордана и Иерусалима – так святой отшельник наименовал ближайшие к своей пустыньке места. По воскресеньям и праздникам о. Серафим возвращался в Саровский монастырь, приобщался в больничной церкви, где служились ранние литургии, а после службы принимал монахов, приходивших к нему за духовным наставлением. «В пребывание его в пустыни вся братия была его учениками», – вспоминали Саровские старцы.

Восхождение на пути к святости сопровождалось у Серафима удивительными испытаниями,

хорошо знакомыми отшельникам под именем «страхований». Так, во время молитвы в лесной келье, рассказывал один Саровский иеромонах, вдруг о. Серафим услышал страшный звериный рев, потом невидимая толпа с шумом выломала дверь кельи и бросила в комнату громадное полено, которое смогла из нее вынести лишь восемь человек! Иногда стены кельи разваливались на глазах у молящегося, и в нее рвались воюющие звери, являлся гроб, из которого вставал мертвец. Иногда злые силы, ибо это были их нападения, поднимали Серафима на воздух и со страшной силой ударяли об пол... Святой впоследствии

поведал, что видеть бесов ужасно, потому что они гнусны. Нападения темных сил были опасны для жизни самого отшельника, и, не будь особой благодати, охранявшей его, он бы погиб, телесно или духовно... Неизменно прогоняя бесов крестным знаменем и усиленной молитвой, отшельник вкушал небесную тишину и глубокий мир душевный.

Многие монастыри хотели иметь о. Серафима в качестве своего игумена, но каждый раз он упрашивал Саровского игумена Исаию оставить его в молитвенном уединении. После «страхований» в духовной жизни о. Серафима появилось новое и тяжкое

искушение: он стал испытывать глубокое уныние; хульные помыслы, столь нестерпимые для молитвенника, стали с силой напрашиваться и мучить его. Тогда о. Серафим еще усилил молитвенный подвиг, до предела сил человеческих: найдя в лесу большой гранитный камень, он стал на нем молиться, не сходя с места; этот подвиг продолжался тысячу ночей. Поднимая руки к небу, как древние оранты, он взывал непрестанно: *Боже, милостив буди ми грешному!* Днем о. Серафим молился на другом камне, у себя в келье, для сохранения тайны. Тысяча дней и тысяча ночей... нам трудно постигнуть эту

трехлетнюю борьбу, эту неутомимую битву; впоследствии св. Серафим открыл, что моление его было сопряжено с особой помощью Божией, иначе сил человеческих не достало бы! Постепенно сердце его согревалось даром умиления, и вера и надежда на Бога восторжествовали в нем. Но след от подвига отразился в теле молитвенника: ноги его снова опухли и болели до конца его жизни.

Тут надо отметить учение опытных в духовной жизни старцев, что истинный монах никогда не придумывает себе подвигов. Обычно подвиги его являются следствием послушания игумену, духовному отцу

или же, на более высокой степени развития, послушания некоей внутренней духовной необходимости или, лучше сказать, очевидности повнушению свыше, а отнюдь не произвольным решением идти по тому или иному пути. В этом духовном проявлении замечательно то, что Животворящий Дух всегда действует соборно; нет такого момента в жизни христианина, чтобы был он один, один решал, один соделывал. Всегда и во всем на правильном пути духовном оправдываются слова, издревле сказанные: *изволися Духу Святому и нам.*

Потерпев

мученичество

душевное, св. Серафиму надлежало потерпеть и мученичество телесное. Как и св. Бориса и Глеба, о. Серафима, справедливо можно назвать страстотерпцем. Вот что случилось в дальней пустыньке 12 сентября 1804 года (рассказ этот заимствован с некоторыми сокращениями из летописи Дивеевского монастыря, где живость самого повествования наводит на мысль, что оно записано со слов самого о. Серафима):

«12-го сентября 1804 года подошли к старцу три неизвестные ему человека, одетые по-крестьянски, о. Серафим в это время рубил дрова в лесу. Крестьяне, нагло

приступив к нему, требовали денег, говоря: «К тебе ходят мирские люди и деньги носят». Старец сказал: «Я ни от кого ничего не беру». Но они не поверили. Тогда один из пришедших кинулся на него сзади, хотел свалить его на землю, но вместо того сам упал. От этой неловкости злодеи несколько оробели, однако же не хотели отступить от своего намерения, о. Серафим имел большую физическую силу и, вооруженный топором, мог бы обороняться. Эта мысль мгновенно и мелькнула в его уме. Но он вспомнил слова Спасителя: *Вси приемшии нож, ножем погибнут*, не захотел сопротивляться, спокойно

опустил на землю топор и сказал кротко, сложивши крестообразно руки на груди: «Делайте, что вам надобно». Тогда один из крестьян, поднявши с земли топор, обухом так крепко ударил о. Серафима в голову, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Старец упал на землю и пришел в беспамятство. Злодеи тащили его к сеням кельи, по дороге яростно продолжая бить как звероловную добычу, кто обухом, кто деревом, кто своими руками и ногами, даже поговаривали и о том, не бросить ли старца в реку?.. А как увидели, что он уже был точно мертвый, то веревками связали ему руки и ноги и, положив в сенях, сами

бросились в келью, воображая найти в ней несметные богатства. В убогом жилище они очень скоро все перебрали, пересмотрели, разломали печь, пол разобрали, искали, искали и ничего для себя не нашли: видели только у него святую икону, да попалося несколько картошек. Тогда страх напал на них, и они в ужасе убежали. Между тем, о. Серафим от жестоких смертных ударов едва мог прийти в чувство, кое-как развязал себя и, проведши ночь в келье в страданиях, на другой день с большим трудом, однако же сам пришел в обитель во время самой литургии. Вид его был ужасен (он был весь покрыт кровью). Братья,

увидев его, ужаснулись и спрашивали, что с ним случилось. Ни слова не отвечая, о. Серафим просил прийти к себе настоятеля, о. Исаию, а также и монастырского духовника, которым в подробности рассказал все случившееся.

Врачи, вызванные лишь на седьмой день, нашли его в следующем состоянии: голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тело покрыто смертельными ранами; лицо и руки избиты, вышиблено несколько зубов... Удивлялись врачи, как это старец мог остаться в живых после таких побоев...» {2}.

Первые восемь дней св.

Серафим не мог ни есть, ни пить, ни спать от нестерпимой боли. На восьмой день, окруженный консилиумом врачей, о. Серафим заснул и во сне увидел подходящую к его койке Божию Матерь, а за Нею св. апостолов Петра и Иоанна. «Чтс вы трудитесь?» – сказала Царица Небесная, обращаясь к врачам. Потом, смотря на старца, повторила: «Сей – от рода нашего». Видение прекратилось, и тут же, проснувшись, о. Серафим отклонил медицинскую помощь. К всеобщему удивлению, ему стало лучше, а к вечеру, говорит летопись, он подкрепился немного хлебом и белой квашеной капустой (!).

Около пяти месяцев поправлялся о. Серафим в Саровском монастыре. Не хотели его вновь отпускать в пустынь, но пострадавший снова просил благословения у игумена Исаии вернуться на молитву в лес...

О, русский лес! Сколько слышал ты вздыханий неизглаголаных, сколько вторил шепоту молитвы пустынников, сколько, увы, видел ты и злодейств!

Когда покушение на о. Серафима оказалось известным по всей местности, встал вопрос об отдании злодеев под суд, но о. Серафим категорически отказался от этого, сказав, что в противном случае

он удалится из Саровской пустыни навсегда. Игумен Исаия внял его просьбе о прощении злодеев, которые, впрочем, вскоре были наказаны Самим Богом: избы их сгорели, и, оставшись бездомными, те, которые разгромили келью святого жителя Саровского леса, сами явились к нему, пали ему в ноги и со слезами раскаивались в своем преступлении.

Мы упоминали уже о кончине игумена Пахомия и о водворении нового игумена, о. Исаии, бывшего ранее казначеем. В лице нового игумена, родом из суздальских купцов, о. Серафим приобрел святой жизни духовника, верного друга и

собеседника. От времени до времени о. Исаия любил навещать отшельника в его дальней пустыньке; в последний год жизни игумен отправлялся туда в маленькой тележке, которую везли братья, и оба старца укреплялись духовной беседой и единением сердец.

Старец Исаия умер в 1807 году. В третий раз о. Серафиму предложили стать игуменом Саровским, но он снова отказался от сего предложения. Был тогда избран иеромонах Нифонт, который поступил в обитель при игумене Пахомии, через девять лет после вступления в нее о. Серафима. Некоторые летописцы Саровской

обитатели стыдливо скрывают ту неприязнь, которую питали к о. Серафиму игумен Нифонт, да и часть братии, в течение всей его жизни. Эта неприязнь, основанная на зависти, породила мелочное вредительство, клевету и постоянное оспаривание самого дела создания Дивеевской общины.

После смерти игумена Исаии на долю о. Серафима выпал новый подвиг, подвиг молчальничества. В глуши лесной он стал как бы глухим, в немолчной чаще он стал как бы немым! Когда встречался кто из братии ему на пути, то преподобный падал лицом к земле и так оставался, пока не проходил посетитель. Так

прошло три года в полном отречении от мира, ибо не видно было старца даже на праздничных или воскресных литургиях в монастыре. Некое устное монашеское предание утверждает, что такое поведение о. Серафима было вынуждено недоброжелательным отношением к нему отца игумена и той же группы Саровских монахов. Молчание позволяло преподобному избежать осуждения братьев и продолжать в мире свой молитвенный подвиг.

В ту пору пятидесятилетний о. Серафим казался гораздо старше: после избиения его ворами облик его стал как бы надломленный, сильно сгорбленный; чтобы ходить, ему надо

было опираться то на палку, то на топор, то на мотыку, да и то было трудно из-за постоянной боли в ногах. С годами он все же окреп и мог даже рубить деревья в лесу, но в период молчаливчества, особенно зимой; он должен был прибегать к услугам монастырской трапезной: раз в неделю ему послушник приносил попеременно хлеб да капусту.

К этому времени в монастыре подняли вопрос о причащении старца и порешили предложить ему, за невозможностью передвигаться, вернуться жить в монастырь, на что он согласился; восьмого мая 1810 года, после 15-летнего пребывания в

пустыни, старец Серафим (ему шел 51-й год) вернулся в Саров, но, с благословения отца игумена, он затворился в своей келье строжайшим образом: лица его никто не видел за покрывалом, голоса его никто не слышал, разве когда он читал вслух молитвы или Писание. Так начался период затвора, особенно тяжкого подвига.

В то время келья старца не отапливалась, обрубок дерева служил стулом, мешки с песком и камнями служили ложем. Пища была все та же, но в более мягком виде, то овсянка, то рубленая капуста – вспомним, что у о. Серафима было выбито несколько зубов. В этой

суровой обстановке лишь одна лампада горела неугасимо перед иконой Божией Матери. К молитвенному правилу старец прибавил более усиленное чтение Писания, прочитывая весь Новый Завет каждую неделю. Причащался он в келье, после ранней литургии, по праздникам и воскресеньям. Затвор продолжался целых пять лет, после чего старец открыл свою дверь, но в разговоры не вступал. Таким образом прошло еще пять лет, по истечении которых о. Серафим первым принял заехавшего в Саров губернатора А. Безобразова с женой.

Подвиг старчества

До тех пор о. Серафим искал Царства Божия, проходя труднопостижимый покаянный путь, сопряженный с неустанным чтением Слова Божия. Теперь же, Божиим Промыслом, он был направлен на путь служения людям, строгий затвор окончился в 1815 году, и всем стало возможно приходить к старцу — он же из кельи не выходил. В Саровском монастыре кельи стояли отдельно друг от друга, у каждой были маленькие сени. В сенях у о. Серафима стоял выдолбленный им самим в колоде гроб, который напоминал ему и всем приходящим о

том, что земное пребывание есть лишь странствие к горнему Царству.

Все посетители старца при входе в его келью были ярко озарены множеством свечей, горевших перед иконой Божией Матери «Умиление»; зная, что каждая из них была знаком усиленной молитвы духовного отца за просивших его помощи, приходящие неустанно его снабжали пучками свечей. От них стояла в келье трудновыносимая жара.

Сам о. Серафим был одет в белый «балахон», широкую верхнюю одежду, поверх которой спадала черная полумантия; епитрахиль и поручи, которые он надевал по воскресеньям и праздникам,

свидетельствовали о его священническом сани. Встречая посетителей, старец часто обращался к ним со словами: *Радость моя!* Было замечено, что такое приветствие особенно относилось к людям, подавленным горем, искушением или болезнью. Пасхальное приветствие *Христос воскрес!* также не сходило с уст его, напоминая верующим о конечном торжестве Христа и восстановлении падшего естества. Ласково обращался преподобный с детьми, называя их *сокровищами*. Отпуская посетителей, старец наделял их сухариками, приглашая разделить их с близкими. Сухариками или водою,

данными святым, многие исцелялись
от болезней.

Основатель монастыря

Мы располагаем обширным материалом, относящимся к описанию последующих лет жизни преподобного. Нам нет возможности в границах данной статьи охватить весь этот материал; иначе говоря, мы принуждены сделать некий выбор. Причем, нам кажется небезынтересным для читателя при изложении дальнейших событий в жизни старца останавливаться на тех, которые ближе связаны с созданием им так называемой Мельничной Дивеевской общины.

Обычно агиографы уделяют этой стороне его деятельности меньше внимания.

Для этого вернемся ко времени кончины основательницы первой Дивеевской общины, чтобы проследить развитие этой общины до **1825** года, когда о. Серафим начал открыто и неустанно устраивать новую обитель с восемью сестрами, девицами, взятыми из первоначальной общины «сирот».

После смерти матери Александры в ее общине в Дивееве остались три сестры, простые женщины из окрестностей Дивеева. Они выбрали старшую среди них, и через семь лет община состояла из

пятидесятидвух человек, но не имела официального статута. Правило, данное о. Пахомием, строго соблюдалось, а устав был Саровский. Само собою вышло, к обоюдному удовлетворению, что Саровские монахи пользовались умением сестер шить, вязать и стирать, за что поставляли им раз в день пищу со своей трапезы. В 1789 году была выбрана новая начальница, Кочеулова, которую прп. Серафим чтил как крепкую и усердную молитвенницу, но вместе с тем прозывал иногда «терпуг духовный» (терпуг – терка!) или «бич духовный». С этой настоятельницей наступила особо суровая пора: из

пятидесятидвух сестер сорок ушло! Осталось всего двенадцать, но стали прибывать постепенно другие, и в 1825 году число сестер достигло пятидесяти. В это время соседка по имени, графиня Толстая, видя бедность обители, пожертвовала несколько десятин под огород.

Итак, община, созданная в Дивееве по указанию Матери Божией, возрастала. По свидетельству многих, почитание матери Александры поддерживалось особыми явлениями у ее могилы, находившейся за алтарем Казанской церкви, вне храма: то виден был огонь и свет свечей на ней, то слышался необыкновенный

колокольный звон, то раздавалось вокруг могилы чудное благоухание. Некоторым о. Серафим говорил, что матушка Агафья Семеновна (мать Александра), которая была святой, в мощах почивает, и что он сам ее стопы лобызал.

С созданием новой Дивеевской общины св. Серафимом связаны прежде всего имена Мантуровых: молодого Михаила и младшей сестры его Елены, дворян Ардатовского уезда, к которому относилась и сама Саровская пустынь. Мантуровы рано осиротели, но продолжали жить в родовом своем имении. Михаил стал военным и уехал по долгу службы в Лифляндию, где женился на Анне

Эрнц, лютеранке. Опасная, продолжительная болезнь заставила его вернуться в свое имение, находившееся в сорока верстах от Сарова. Врачи признали болезнь неизлечимой: нельзя было остановить раздробление костей, от которого страдали ноги, причем частички кости начали через нарыв выходить наружу.

Это происходило в начале 20-х годов. Тогда уже в России знали о святой жизни преподобного. К нему и собрался потерявший было надежду Мантуров. Еле смог он, поддерживаемый своими слугами, добраться до сеней кельи, как вдруг сам о. Серафим вышел к нему и

мягко спросил больного: «Что пожаловал, посмотреть на убогого Серафима?» Михаил упал к ногам старца и просил его об исцелении. «Веруешь ли ты в Бога?» – три раза спросил его старец и, получив убедительный ответ, сказал: «Радость моя! Если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему все возможно от Бога, а потому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь». Старец принес елею и, нагибаясь к сидящему Мантурову, помазал его раны, говоря: «По данной мне от Господа благодати, я первого тебя врачую!» Михаил снова припал к ногам святого, плакал и целовал их.

Но старец поднял исцеленного и сказал: «Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить? Что ты, батюшка! Это дело единого Бога, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает! Господу всемогущему да Пречистой Его Матери даждь благодарение!» {2}.

Как характерны для св. Серафима эти глубокие слова, от которых однако же веет народной непринужденной лаской: «радость моя!», «убогий Серафим», «что ты, батюшка!». В таком добродушно-народном стиле улеглись и последующие великие откровения, данные Серафимом не только

русскому народу, но, по словам его, и всему верующему миру. «Радость моя! А ведь мы обещались поблагодарить Господа, что он возвратил нам жизнь-то», – этими словами встретил о. Серафим вновь приехавшего к нему Мантурова, которого начала тревожить мысль, что он не принес Богу дел благодарности за чудное исцеление. «Я не знаю, батюшка, чем и как, что вы прикажете?» – ответил молодой военный. «Вот, радость моя, все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!» Смутился Мантуров, вещает летопись. Ему вспомнилось, что он не один, имеет молодую жену и что,

отдав все, нечем будет жить. Старец же, провидя его мысли, сказал: «... Господь тебя не оставит ни в сей жизни, ни в будущей; богат не будешь, хлеб же насущный будешь иметь» {2}.

Вольное обнищание Михаила Мантурова было связано с продажей его имения для приобретения всего лишь пятнадцати десятин земли в Дивееве. Эту землю, без крестьян, Мантуров должен был хранить при жизни, а по смерти завещать имевшему создаться женскому монастырю... Живя на земле, не дающей доходов, Мантуровы скоро обеднели, нечем даже было освещаться... Молодая жена стал

роптать и негодовать на о. Серафима. Как-то раз, рассказывает она, в их комнате перед иконами сама зажглась лампадка без масла и стала сиять. С тех пор Анна Мантурова перестала роптать на свои судьбу и включилась в послушание о. Серафиму. Легче стало переносить лишения, а также насмешки друзей.

Ради послушания о. Серафиму Мишенька, как любил его называть преподобный, всю жизнь посвятил на дело устройства женской обители, исполняя все деловые поручения старца, который сам никуда не выходил за ограду монастырских владений.

Удивительное второе поручение дано было Мишеньке о. Серафимом в 1823 году. Поклонившись Мантурову в ноги, старец дал ему один колышек, который, перекрестившись, он поцеловал, и велел ему вбить этот колышек среди поля, со стороны алтаря Казанской приходской церкви (той самой, которую построила мать Александра Мельгунова в Дивееве), отсчитав известное количество шагов. Каково же было удивление Мантурова, когда на месте он убедился в абсолютной точности измерений старца. Вернувшись в Саров, Мантуров нашел старца в особенно радостном духе. Через год, когда Мишенька уж забыл о бывшем

поручении, о. Серафим велел ему вбить неподалеку от первого еще четыре колышка, которые он снова поцеловал, перекрестившись.

Повествование Дивеевской летописи привело нас к 1825 году, когда дивеевским приходским священником стал только что окончивший семинарию о. Василий Садовский. С первой же встречи с ним о. Серафим поставил его в курс начатого матерью Александрой дела, добавив: «...Я ведь теперь один остался из тех старцев, коих просила она о заведенной ею общинке. Так-то и я прошу тебя, батюшка, что от тебя зависит, и ты не оставь их!» {2}. Известно, какую удивительную

духовную деятельность понес этот молодой священник; не будучи монахом, он стал духовником всей Дивеевской общины, а впоследствии и новой серафимовской, так называемой Мельничной обители...

Мы уже имели случай познакомиться с молодым Михаилом Мантуровым, которого о. Серафим начал готовить себе в сотрудники с 1815 года; теперь же, 10 лет спустя, видим, что о. Василий Садовский, во всем также руководимый о. Серафимом, становится как бы вторым духовным отцом дивеевских сестер. Нам остается обратить внимание на судьбу первой игуменьи, или

«начальницы», как говорили в то время, создаваемой старцем общины, Елены Мантуровой.

Судьба сестры Мишеньки удивительна, парадоксальна. Старец Серафим ведет душу ее в Царство Небесное с творческой свободой, удаляя ее от светского общества и доводя до высших ступеней подвига. Нет у него сомнения в правильности намечаемого им пути, ибо ему дано пророческое ведение судеб человеческих.

Елена Мантурова была гораздо моложе брата. Оставшись сиротой и лишенная братнина присутствия дома во время долгой его отлучки в Лифляндию, она не утратила своего

веселого нрава, исключительной живости и искания счастья. В 17 лет она стала невестой, и судьба ее казалась решенной. Но неожиданно все изменилось непонятным для нее самой образом: она отказала жениху, говоря при этом брату: «Не знаю, почему, не могу понять!» {2}. Немного спустя снова поразил ее необъяснимый случай: остановившись в дороге, чтобы выпить чаю на почтовой станции, Елена стала сходить по ступенькам кареты, как вдруг увидела, среди бела дня, над своей головой чудище, безобразного змея, который быстро приближался к ней, грозя увлечь ее в свое пламя. Видение это так

потрясло девушку, что она стала как бы мертвая; с трудом очнувшись, она просила позвать священника, исповедалась и причастилась. Приехав домой, она поведала брату и его жене, что единственным спасением для нее, является отрешение от мира, что и обещала она в крике сердечном Царице Небесной. Сильно изменившись после этого явления, Елена стала жаждать духовной жизни и вскоре поехала к о. Серафиму, а старец, встречая ее, сказал ей: «Нет, матушка, что ты это задумала! В монастырь! Нет, радость моя, ты выйдешь замуж!» {2}. Мантурова сильно протестовала, а о. Серафим

долго настаивал на своем. Вернувшись домой, Елена углубилась в чтение творений святых отцов. Все ее посещения Саровского старца кончались все тем же приговариванием о. Серафима о ее будущем браке. Негодую на о. Серафима, Елена Мантурова решила обратиться, ничего ему не говоря, в один муромский монастырь, где, не долго раздумывая, купила себе келью. Напоследок она все же решила проститься с о. Серафимом и вот какие строгие слова услышала она:

«Нет тебе дороги в Муром, матушка, никакой дороги, и нет тебе и моего благословения! И что это

ты? Ты должна замуж выйти, и у тебя преблагочестивый жених будет, радость моя!» {2}. Потрясенная прозорливостью старца, Мантурова более не сомневалась в его святости. Вернувшись домой, она стала усиленно молиться. Молитва ее была столь пламенна, что ей случилось как бы потягаться со злым духом, который навел ужас на мирно сидевшую семью Мантуровых ужасным неестественным криком. Сотворя крестное знамение, Елена удалила дьявольское наваждение. Такая борьба с темной силой будет и позже проявляться, несмотря на хрупкость и молодость серафимовской послушницы, в очень

краткое время достигшей столь явной святости, что после ее смерти о. Серафим уверял сестер о нетленности ее тела.

Года через три после первой встречи о. Серафим благословил двадцатилетнюю Мантурову поступить в общину матери Александры Мельгуновой, где начальницей была тогда строгая Ксения Михайловна Кочеулова. «Матушка! – говорил старец Елене, – виден мне весь путь твой боголюбивый!.. а если не будешь идти им, то и не можешь спастись. Ежели быть львом, радость моя, то трудно и мудрено, – я на себя возьму; но будь голубем, и все между собою

будьте, как голубки... Всегда будь в молчании... не будь в праздности... И пока Жених твой в отсутствии, ты не унывай, а крепись и больше мужайся... вечно-неразлучной молитвой и приготавливай все... верь, что все, мною реченное тебе, сбудется, радость моя!» (*Записки о Василия Садовского*). Так, испытывая веру и решимость Елены, о. Серафим сочетал ее душу с Женихом Небесным.

1825 год чрезвычайно важен в истории монастыря, созданного о. Серафимом в Дивееве. 25-го ноября в малой пустыни, близ так называемого Богословского источника, вновь явилась старцу

Царица Небесная, в сопровождении апостолов Петра и Иоанна, и благословила его выходить из саровской кельи, посещать пустынь и принимать дивеевских сестер для наставления. К этому времени внешние обстоятельства как бы естественно содействовали выходу о. Серафима из затвора: здоровье его стало сильно ухудшаться, он страдал болью в голове, в ногах и пребывал в крайнем изнеможении. Движение и свежий воздух, по мнению окружения, стали ему необходимы. Уже весной 1825 года старец стал выходить по ночам, и как-то раз некий инок увидел его с тяжелым камнем в руках; во тьме ночной

старец нес камнище к собору Саровского монастыря и положил его на землю у правой стены церкви, на уровне алтаря, обозначая этим, как мы увидим, место своей могилы. Этот знак смерти, уже не такой далекой (о. Серафим скончался семь лет спустя), как бы открывает последний и, если так можно выразиться, говоря о святом, самый блестящий период его деятельности, а именно — создание новой Дивеевской общины.

Принимая сестер общины матери Александры, о. Серафим убедился, что полный Саровский устав, которому они следовали, был непосилен для большинства

монахинь, и решил его облегчить. Но начальница Кочеулова не согласилась менять устав, данный самим св. старцем Пахомием более 30 лет тому назад... Надо отметить, что ее общине в то время стало тесно и требовалось расширить помещения для ее пятидесяти сестер. Но несогласие насчет изменения устава, выраженное начальницей, как бы исключало дальнейшее сотрудничество с общиной о. Серафима.

Во время уже упомянутого явления у Богослового источника, поведал впоследствии преподобный, Божия Матерь, ударив жезлом землю, извела из нее новый ключ и

сказала: «...Ксению (начальницу Кочеулову) с сестрами оставь, а заповедь рабы моей Александры не только не оставляй, и потщись вполне выполнить ее, ибо по воле Моей она дала тебе оную... Я укажу тебе другое место, тоже в селе Дивееве, и на нем устрой обетованную Мною обитель... Возьми из общины Ксении восемь сестер...» {2}. Тут Богоматерь назвала имена сестер, а место указала близ Казанского храма и велела обнести его валом и окружить канавкой (рвом с водой); далее Она указала, что на этом месте следовало бы построить двухпоставную ветряную мельницу да первые кельи,

а впоследствии соорудить там двухпрестольный храм в честь Рождества Христова и Рождества Ее, Матери Божией. Новая община в Дивееве должна была состоять лишь из девиц, причем новый устав для них был указан Самой Верховной Игуменьей – Царицей Небесной. Вода же, изведенная в сей день, должна была стать целебной и более славной, чем вода Вифезды Иерусалимской.

Из записок Н. Мотовилова видно, что о. Серафим всецело исполнял веления Царицы Небесной в деле создания новой Дивеевской общины и сам от себя ничего не творил: «И камешка одного я, убогий

Серафим, самопроизвольно у них не поставил!» {13}. Счастлив тот, впоследствии говорил старец, кто хоть раз побывает в Дивееве и пройдет по полям, вокруг монастыря, следуя стопам Матери Божией, Которая Сама прошла здесь по земле и измерила окружность Своей новой обители, Своего нового удела. В былое время Богоматерь взяла Себе в удел Иверию, Афон и Киев, теперь же новый удел Ее – Дивеево!

9-го декабря того же 1825 года, в праздник Зачатия Божией Матери, о. Серафим, взяв с собою старшую из сестер будущей его общины, Параскеву Степановну, а также и самую молодую, Марию Семеновну

(пятнадцатилетнюю послушницу, которая через три года скончалась, удостоившись нетления), отправился в дальнюю пустынь, где он не был уж 12 лет; по дороге путники остановились у источника, изведенного жезлом Богоматери 25 ноября, о. Серафим, зная, что сестра Параскева страдает хроническим, утомительным кашлем, исцелил ее, напоив водой из источника. Пришли в келью дальней пустыни. Отец Серафим поставил обеих сестер по обеим сторонам распятия, висевшего на стене, дал им в руки зажженные свечи и более часа с ним молился. Так было ознаменовано начало новой Дивеевской общины. После

МОЛИТВЫ СЕСТРЫ ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ ЧИСТИЛИ
ВМЕСТЕ С БАТЮШКОЙ ПОГРЕБ ВОЗЛЕ
ПУСТЫНЬКИ, А ВЕЧЕРОМ ПОШЛИ ОБРАТНО
В САРОВ.

ПРАСКОВЬЯ (ПАРАСКЕВА)

Степановна, старшая из сестер, была свидетельницей того, как с этого дня батюшка весь год сам трудился, готовил столбы и лес для мельницы и дивеевские сестры работали у него, для чего в своей дальней пустыньке он сложил печь, чтобы они здесь отдыхали после трудов. Заметим, что время было зимнее, и такая работа не проходила безболезненно! Точно через год, 9 декабря 1826 года, в день праздника Зачатия, все бревна, приготовленные самим 67-летним

старцем (не чудо ли это?) были привезены в Дивеево...

Но земля, указанная Богоматерью для постройки мельницы, не принадлежала еще сестрам, а некоему г. Баташеву, владельцу завода. Отец Серафим раз пятнадцать посылал сестру Параскеву к приказчику с просьбой уступить землю монастырю, но без успеха. Наконец, родственница г. Баташева, генеральша Постникова, пожертвовала данную землю под мельницу, за что благодарственное письмо описала ей Елена Мантурова, от имени о. Серафима. «Видишь ли, матушка, как Сама Царица Небесная схлопотала нам землицы, вот мы тут

мельницу-то и поставим!» {2} – радостно говорил старец Серафим Ксении Путковой, будущей «церковнице» его новой обители. Так положено было начало Серафимо-Дивеевскому монастырю, который к концу века насчитывал около тысячи монахинь.

Летопись тут замечает, что игумен Нифонт потребовал, чтобы за все дерево, вывезенное из Саровского леса, было ему заплачено, что о. Серафим и сделал, пользуясь деньгами от пожертвований его посетителей, которые он теперь сберегал для общины. Но забыл о. Нифонт долг благодарности... ведь мать

Александра выстроила целый собор для Саровского монастыря да при своей кончине дала в Саров целое состояние (400.000 рублей). Кроме того, Саровский монастырь имел значительные доходы от постоянной толпы верующих, приходивших к отцу Серафиму.

Впоследствии та же Ксения Путкова, в постриге сестра Капитолина, красочно свидетельствовала о всех трудностях, которые постигали избранника Божией Матери: «Много терпел за нас батюшка, много родименький принял за нас, много перенес терпения и гонения!» Приезжали из Сарова монахи-следователи и

обыскивали Дивеево, говоря: «Ваш Серафим все таскает, кряжи увез!» И приговаривали сестрам: «Такие и сякие, все попрятали!» – но не находили ничего, да у сестер тогда земли-то своей не было. После этого о. Серафим, приняв Ксению Путкову, сказал: «Во, радость моя! Суды заводят, кряжи увез я, Ксения! Судить хотят убогого Серафима, зачем слушает Мать-то Божию, что велит Она убогому... Зачем девушек Дивеевских не оставляет! Прогневались, матушка, прогневались на убогого Серафима. Скоро на Царицу Небесную подадут в суд!» {2}.

Зимой, 9 декабря 1826 года,

начали строить мельницу на тогда еще чужой земле: оформления пожертвования генеральши Постниковой надо было дожидаться, а отмежевана земля была лишь три года спустя, в 1829 году, и только тогда о. Серафим велел сестрам обрыть ее канавкой.

Преподобный Серафим любил называть мельницу новой Дивеевской общины «мельница-питательница». Эта первая монастырская постройка должна была обеспечить некую автономию новой общины: сестры сами сеяли, сами мололи, сами хлеб пекли и, хоть и весьма скудно, но в первые времена прожить могли и без чужой

помощи. Отец Серафим очень дорожил духовной независимостью новой общины, которую «духом сам он породил». Из дальнейшей истории этой общины мы увидим, что о. Серафим выковывал особенно крепких духом монахинь, которым было им завещано хранить неотступно его заветы, а лучше сказать, веления Самой Матери Божией; эти монахини Дивеевские, воспитанные св. Серафимом в духе непрестанного подвига, должны будут сразу после смерти старца начать тридцатилетнюю борьбу с теми, которые, будучи чужды заветам старца, захотят ввести в обитель дух мира сего, дух «чуждого

посетителя», как говорил сам старец, приравнивая чуждого посетителя самому антихристу.

Группа из восьми сестер, которая должна была составить основу Дивеевской Серафимовой общины, на деле пока еще не была отделена от общины начальницы Кочеуловой. Для возглавления будущей своей общины о. Серафим предназначил молодую Елену Мантурову, свою 20-летнюю послушницу, и поручил о. Василию Садовскому, ставшему в то время духовником Дивеевских сестер, прислать ее к нему. Елена Мантурова, войдя в келью о. Серафима и услышав его указание,

воскликнула: «Нет, не могу, не могу я этого, батюшка!.. Всегда и во всем слушалась я вас, но в этом не могу! Лучше прикажите мне умереть, вот здесь, сейчас, у ног ваших, но начальницею – не желаю, и не могу быть, батюшка!» {2}.

Ответственность за чужие души утрашила ее в столь юном возрасте, но о. Серафим велел сестрам во всем «благословляться» у нее, хотя она до конца своей краткой жизни оставалась жить в своей келье при общине Кочеуловой. Внешним о. Серафим указал на то, что, будучи дворянкой, Мантурова была «словесной», что и подобает начальнице – другие же сестры, из

крестьянок, были в те времена, разумеется, неграмотные. Но нужно еще иметь в виду и то, что Мантурова, по исключительной своей преданности воле Божией, возьмет на себя впоследствии небывалый подвиг вольной смерти по послушанию и тем самым станет на вечные времена первоначальным камнем Серафимова монастыря...

По указанию Божией Матери, лишь одни девицы принимались о. Серафимом в новую общину; по словам самого старца, девицы были более восприимчивы, чем вдовы, да и новое вино он желал вливать в мехи новые. Среди девиц не могло быть пустых разговоров о прошлой,

светской жизни, отвлекающих от сосредоточенной духовной жизни, как то неминуемо бы происходило с теми, кто состоял в супружестве. «В общежительной обители, – говорил о. Серафим, – легче справиться с семью девами, чем с одною вдовой!» {2}.

Знаменательно, что в нескольких случаях о. Серафим убедительно настаивал на принятии монашества некоторыми девицами, не думавшими до того о поступлении в монастырь. Эти убедительные беседы сопровождались преображением лица святого старца, который сиял неописуемым Фаворским светом, и уж не было

сомнения в душах собеседниц о великой святости призывающего их на служение Богу, и они покорялись словам его. Начав свою монашескую жизнь положительно в нищете, послушницы вступали в мир постоянных чудес — все устраивалось, хоть и не сразу, по воле старца, предсказавшего не только личный путь каждой из сестер, но и великое будущее сей обители, взятой Богородицей Себе в удел.

В те времена о. Серафим обычно день проводил в так называемой «ближней пустыньке», то есть крохотном деревянном домике, выстроенном для него на средства

его почитателей на том месте у реки Саровки, в двух верстах от монастыря, где явилась ему Божия Мать и извела источник из земли. Вокруг пустыньки были грядки, устроенные самим старцем. Как-то раз он дал сестрам посадить молодого луку на его грядки, что они к вечеру исполнили, а на следующее утро о. Серафим велел сестрам собрать луку для Дивеевской трапезы. «Что это вы, батюшка, — воскликнули сестры, — ведь только вчера вечером посадили мы лук!» — «А вы подите-ка, подите!» — повторил старец, и что же: сестры глазам своим не верили, увидя, что лук за одну ночь уж вырос и готов к

употреблению. «Убогий Серафим мог бы обогатить вас, но это не полезно, – говаривал старец, – я мог бы и золу превратить в золото, но не хочу; у вас многое не умножится, а малое не умалится! В последнее время будет у вас и изобилие во всем, но тогда уже будет и конец всему!» {2}.

Летом 1827 года мельница уже была выстроена мастером. В нее же переселились семь сестер и прожили в ней до зимы в весьма суровых условиях; осенью сестры построили себе келью, и все семеро жили в ней три года. Со временем выстроили житницу и новые кельи.

Монахиня Евпраксия рассказала

следующий случай, связанный с началом жизни сестер в мельничной обители: «По благословению батюшки мое послушание было молоть на мельнице; нас всегда было в очереди по две сестры и один работник. Раз прихожу я на мельницу, работник спрашивает: «С кем ты пришла?» – «Одна», – говорю. – «Я с тобой не буду молоть», – говорит он, и ушел от меня в Вертьяново (ближайшее село). Оставшись одна, я горько заплакала и говорю громко: «Батюшка Серафим, ты не спасишь привел меня сюда!»... Ветер был страшный, мельница молола на два постава, и, наконец, сделалась буря.

Я заплакала во весь голос, потому что не успевала засыпать жита, и вдруг в отчаянии легла под камни (жернова), чтобы они меня задавили! Но камни тотчас остановились, и явно предо мною стал батюшка Серафим. – «Что ты, чадо, вопиешь (взываешь) ко мне? – спросил он, – я пришел к тебе! Я всегда с теми, кто меня на помощь призывает! Спи на камушках зиму и лето, не думай, что они тебя задавят!» Далее о. Серафим утешил ее, говоря, что теперь сестры должны послужить, а кто придет после, послужит и им.

Сурова была жизнь сестер Серафимовых: сами пахали, сами кололи дрова и возили их из Сарова в

Дивеево, сами мололи, сами строили кельи, неисчислимое количество раз ходили в Саров, к о. Серафиму, причем возвращались нагруженные припасами для общины (а ведь от Сарова до Дивеева – 12 верст!). Работали они зимой, копали канавку, так что искры летели от ударов топора по замерзшей земле. Все велел переносить о. Серафим, связывая подвижничество первых сестер с самой судьбой их Родины, часто подчеркивая промыслительное возникновение дивеевской духовной крепости в связи с имеющим прийти антихристом.

Особое значение придавал старец канавке. «У вас канавку

вырыть надо! – сказал он сестре Прасковье Ивановне, – Три аршина чтобы было глубины и три аршина ширины, и три же аршина вышины, воры-то и не перелезут!» – «На что канавка, батюшка, – отвечает сестра, – нам ограда бы лучше!» – «Глупая, глупая! – воскликнул о. Серафим, – на что канавку? Когда век-то кончится, сначала станет антихрист с храмов кресты снимать да монастыри разорять и все монастыри разорит! А к вашему-то подойдет, а канавка-то и станет от земли до неба, ему и нельзя к вам взойти-то, нигде не допустит канавка, так прочь и уйдет!» {2}.

Сестры все откладывали рытье

канавки. Как-то раз ночью вышла одна сестра из кельи и видит: о. Серафим, в белом своем балахоне копает канавку. Узнав это, все сестры кинулись в радости к о. Серафиму и пали ему в ноги, но, вставши, уже не увидели никого, лишь лопата и мотыжка лежали перед ними.

После построения мельницы о. Серафим продолжал очень деятельно сооружение новых зданий в Дивееве при помощи верного Михаила Мантурова, которому он поручил прежде всего строительство церкви в честь Рождества Христова. Так должна была быть исполнена воля Самой Царицы Небесной. Деньги

вырученные Мантуровым от продажи своего имения, должны были покрыть все расходы по постройке сего храма, другие же пожертвования на эту церковь о. Серафим тогда не принимал, говоря, что не все деньги угодны Небу, ибо иной раз бывают плодом обид, слез и даже крови...

Весь материал для строительства складывали в доме священника Василия Садовского, так как на территории дивеевских сестер тогда вовсе не было свободного места. Новую церковь кончили в 1829 году, летом. Она прилегала к колокольне Казанского храма, выстроенного матерью Александрой Мельгуновой. Церковь Рождества

Христова освятили на
Преображение, по нарочитой воле о.
Серафима, который говорил:
«Господу так угодно!»

После освящения церкви во имя
Рождества Христова о. Серафим
сразу приказал строить в честь
Рождества Богородицы новую
церковь под землей, под только что
выстроенной! Все дивились такому
распоряжению о. Серафима, но
Мантуров, как всегда, точно стал
исполнять указания старца. В этой
нижней церкви надо было поставить
четыре крепких столба. Узнав это, о.
Серафим стал ликовать и всем
говорить: «Четыре столба – четверо
мощей!.. Четверо мощей у нас тут

почивать будут!» {2}.

Новая церковь во имя Рождества Богородицы была окончена летом 1830 года. Отцу Василию Садовскому и сестре Елене Мантуровой о. Серафим велел ехать, несмотря на эпидемию холеры, в Новгород и получить епископское разрешение на освящение храма, что они и сделали, вопреки всем трудностям и препятствиям. Мудрый и ученый архимандрит, которого просили вторично приехать в Дивеево для освящения второй церкви в таком скором времени, воскликнул: «О, Серафим, Серафим! Сколь дивен ты в делах твоих, старец Божий!» {2}. Церковь была освящена

8 сентября 1830 года. Тут надо отметить, что св. Серафим предсказал, что в обители никогда насельники не погибнут от холеры, что и сбылось: во время случившейся новой эпидемии больные приносились в монастырь и там получали исцеление; из сестер же обители никто не заболел.

Сам о. Серафим на освящение церкви не ходил, да и вообще нога его не ступала в Дивеево, хотя все, что там происходило и помещалось, было ему известно в малейших подробностях.

Не успели кончить вторую церковь Дивеевской общины, как о. Серафим стал покупать землю для

будущего собора, выстроенного лишь в 1861 году! Купив землю у некоего г-на Жданова, о. Серафим завещал Мантурову хранить бережно купчую и ни в коем случае не расставаться с приобретенной землей. О соборе этом о. Серафим много раз пророчествовал, говоря сестре Екатерине: «Что нам унывать! Ты гляди, какой у нас собор-то будет... чудный собор! Вельми, матушка, чудный!» – а также, по рассказу сестры Евдокии: «Скажу вам, придет время, у нас в обители все будет устроено; какой собор будет! Какая колокольня! А кельи и ограда будут каменные, и во всем будет у вас изобилие!» После этого о. Серафим

вдруг заплакал и сказал: «...но тогда жизнь будет краткая. Ангелы едва будут успевать брать души. А кто в обители моей будет жить, всех не оставлю; кто даже помогать будет ей, и те муки будут избавлены! Канавка же будет вам стеною до небес, и когда придет антихрист, не сможет он перейти ее; она за вас возопиет ко Господу и стеною до небес станет, и не впустит его! А колокол-то московский, который стоит на земле, около колокольни Ивана Великого, он сам придет к вам по воздуху и так загудит, что вы пробудитесь, и вся вселенная услышит и удивится». {2}.

Сестер духовно укреплял о. Серафим не только пророческими

словами, но и знамениями, которые свидетельствовали о торжестве Духа Божия над стихиями мира сего, подвластными духам разложения и злобы, и не только над стихиями, но и над самим сатаною, увлекающим души людские в свою тьму. Обычно строго заповедал старец не разглашать о сем при его жизни, а после его смерти сестры будут свидетельницами богоносных явлений. Вот что рассказывает старица Анна Алексеевна: «Идем это мы лугом, трава зеленая, да высокая такая... оглянулись (на шедшего позади о. Серафима), глядим, а батюшка-то и идет на аршин выше земли, даже не касаясь травы.

Перепугались мы, заплакали и упали ему в ножки, а он и говорит нам: «Радости мои! Никому о сем не поведайте, пока я жив, а после моего отшествия от вас, пожалуй, и скажите!» Та же сестра повествует: «Раз Дивеевская сестра была в келье о. Серафима и удостоилась с ним вместе днем молиться. Вдруг в келье сделалась страшная тьма, и сестра с испуга пала лицом к земле. Батюшка просил ее встать и сказал: «Знаешь ли, радость моя, отчего в такой ясный день сделалась вдруг такая ужасная тьма? Это оттого, что я молился за одну грешную, умершую душу и вырвал ее из рук самого сатаны, он за то так и обозлился на

меня, сам сюда влетел; оттого-то такая здесь тьма!» {2}.

Сестра Матрона Плещеева впала в уныние и хотела бросить монастырь; старец, провидя это, послал за ней. Когда сестра подходила к дальней пустыньке, то увидела о. Серафима сидящим на колоде, а близ него стоял большой величины медведь. «Ой, смерть моя!» – крикнула сестра. – «Нет, матушка, это не смерть, а это радость!» Медведь, когда ему махнул старец, ушел в лес «как разумный», после вернулся и лег у ног о. Серафима. Медведя стали кормить хлебом. Лицо же старца преобразилось, стало «светло, как у

ангела, и радостно». — «Помнишь ли, матушка, — обратился он к сестре, — у прп. Герасима на Иордане лев служил, а убогому Серафиму медведь служит. Вот и звери нас слушают, а ты, матушка, унываешь; а о чем унывать? Вот, если бы я взял с собой ножницы, то и остриг бы его!» {2}.

Духовное возрастание сестер уже стало приносить плоды святости: 21 августа 1829 года скончалась в 19 лет высокая подвижница, Мария Семеновна Мелюкова. О ней сказал о. Серафим, что она будет почивать в мощах, ибо угодила Господу совершенным послушанием; провела она в иночестве лишь шесть лет. Плакал о.

Серафим о потере своего юного друга, дал ей гроб дубовый, выдолбленный, и свою камилавку. Плакали сестры, особенно родная сестра умершей, которой о. Серафим сказал сии дивные слова: «Ее душа у Престола Божия, и весь род ваш по ней спасен будет!» {2}. Всем же велел ее почитать как святую.

Скоро умрет и Елена Мантурова, 28 мая 1832 года, и также сподобится нетления тела, по словам старца.

К этому времени Господь послал в Саровскую обитель нового верного друга о. Серафиму, молодого помещика Симбирской губернии Николая Мотовилова, которому старец заповедует служить

Дивеевской обители да, в свое время, быть свидетелем всего, что делалось в Дивееве при убогом Серафиме. Приехавший впервые в Саров 22-летний Мотовилов был в крайне тяжком состоянии. У него отнялись ноги, спина была покрыта пролежнями, четверо человек его несли, а пятый поддерживал голову – так его принесли к о. Серафиму, на ближнюю пустыньку, возле источника. Побеседовав с ним, о. Серафим сказал, что если он верует, то уже здоров; взял больного за плечи, поставил на землю и приказал идти. Не сразу Мотовилов осознал чудо, совершенное по молитвам о. Серафима и, боясь упасть, все еще

спорил с преподобным.

Когда же узнали об исцелении столь тяжело больного человека, все стали славить Бога, повторяющего евангельские чудеса; сам игумен Нифонт и двадцать четыре старца вышли встречать исцеленного, окруженного толпой богомольцев.

В конце ноября того же года Мотовилов удостоился великой беседы со старцем, когда свое откровение о Духе Святом он засвидетельствовал на глазах у Мотовилова не только личным светоносным преображением, но ввел и своего юного собеседника в дивную славу Божию уже здесь, на земле.

Завет о. Серафима Николай Александрович Мотовилов исполнил: он стал «питателем» Дивеевской общины после смерти старца, а также одним из строителей заложенного 5 июня 1848 года и освященного в 1875 году Дивеевского собора. Добавим, что записки Мотовилова, озаглавленные «Достоверные сведения о двух Дивеевских обителях», представляют собой исключительно ценный агиографический источник.

Чуждый посетитель

В течение четырех последних лет своей земной жизни о. Серафиму пришлось иметь трудности с одним молодым пока еще послушником Саровского монастыря, который станет позже неким духовным самозванцем. Одаренный талантами, он быстро приобрел в обществе простых Саровских монахов удивительное влияние. Его прозывали «живописцем» и знали его музыкальные способности. У Ивана Тихонова — так звали «живописца» — было пылкое воображение, которое доводило его самомнение до крайних претензий,

до мегаломании. Так, он вообразил себя учеником старца Серафима и его продолжателем, будущим духовным отцом дивеевских сестер. Странен такой замысел у послушника молодых лет! Ведь старцы-духовники Саровские, и те не брались духовно окормлять дивеевских сестер после о. Серафима, несмотря даже на просьбы последнего.

«Каково, матушка, – восклицал старец Серафим, обращаясь к одной из сестер за три недели до своей кончины, – Иван-то Тихонов назовется вам отцом! Породил ли он вас? Породил-то вас духом ведь убогий Серафим! Он же много

скорби соделает и век холоден до вас будет!» {2}. Холодность, холодный расчет и амбиция Тихонова побудили о. Серафима иносказательно называть его «чуждый посетитель» и предостерегать дивеевских сестер от его вмешательства в их дела. После смерти блаженного старца Иван Тихонов стал все чаще посещать дивеевских сестер, стал учить их пению, стал придумывать поручения, якобы данные ему о. Серафимом, стал называть себя «убогим Иоанном» и, наконец, увез группу сестер учиться пению и живописи в Петербург против воли игумении. Двадцать девять лет пришлось

дивеевским сестрам бороться против вторжения Ивана Тихонова в их дела: последний разрушал их кельи, запечатывал храмы, построенные о. Серафимом, хотел, во что бы то ни стало, строить дивеевский собор не на том месте, которое указал о. Серафим. Кроме того, учинил раскол сестер, избрав в игумении свою сторонницу против желания большинства сестер, оклеветал перед духовными властями очередную игумению; дело это дошло до Москвы, стали производить следствие и духовный суд под компетентным надзором самого митрополита Московского Филарета; дело дошло даже до царской семьи,

которая не сразу была правильно осведомлена. В 1849 году И. Тихонов [6] (принявший незадолго до того монашеский постриг под именем Иоасафа) опубликовал вымышленные рассказы о жизни о. Серафима и о своем избрании для продолжения его дела. В 1851 году, при начальнице Е. В. Ладыженской, о. Иоасаф был отстранен духовной властью от Дивеевской общины, но в течение еще целых десяти лет продолжал интриговать и всячески смущать дивеевских сестер.

В 1861 году настал решающий момент, когда совершенно необыкновенным способом, а именно буйным юродством, сестры

общины да жившие при них старицы-юродивые, желая остаться верными заветам о. Серафима, окончательно отказались пред лицом духовных властей от возглавления их обители отцом Иоасафом (Тихоновым). Лет за 30 до последних событий о. Серафим повторял сестрам: «До антихриста не доживете, но времена антихриста переживете!» {2}.

Прав был преподобный, когда иносказательно указывал на Ивана Тихонова как на антихриста: был случай, что честолюбивый «живописец», не зная границ своему гневу при отказе сестер от его попечения и руководства, воскликнул: «Не почию до тех пор,

пока не истреблю до конца и не сотру с лица земли даже память о существовании Мельничной обители! Змеею сделаюсь, а вползу!» {2}.

Против Дивеевской обители Тихонов возбудил почти все общество, выдавая себя за истинного ученика о. Серафима (хотя все знали, что у старца никогда не было «учеников»), который должен был, наконец, расправиться с непокорными ему сестрами. Историки задают вопрос, как мог простой тамбовский мещанин убедить столько людей во всех слоях общества, обмануть епископов, дворян, чуть не саму царскую семью?

Сила неправых нападений на обитель была названа старцем «временами антихриста». Тогда борцами за правду явились те, которых можно было бы назвать «немоцными мира сего»: глубокие старицы-монахини, дщери о. Серафима, да две юродивые, которые своим поведением образумили обманутого о. Иоасафом епископа. Старицы да блаженные [7] , находившиеся, как говорит летопись, под благодатью, а не под законом, — они устояли в буре, укрепляя остальных сестер, и сохранили верность истине духовной, заповеданной им великим старцем.

Тут следует упомянуть молодую

начальницу общины Елизавету Алексеевну Ушакову, в монашестве мать Марию, чудесным образом призванную на путь иночества, которая в течение упоминаемого «смутного времени» отстояла заветы о. Серафима, несмотря на клевету и поношения, и, став игуменией в 1862 году, более сорока лет возглавляла Дивеевский монастырь.

В истории Дивеевской общины можно усмотреть как бы прообраз того, что в дальнейшем должна будет отстаивать сама Россия в течение долгого времени... И недаром св. Серафим, явившийся как бы богатырем былой Руси, который вынес невероятную «тягу земную» и

передавший свое духовное дело крепким русским женщинам, неоднократно говорил им о судьбах России: исключительно крепкая Дивеевская община должна была во что бы то ни стало отстаивать свою религиозную независимость, православную духоносность перед лицом мира сего неверующего, следуя в том примере самого старца. Сия община, окруженная канавкой – стопами Богородицы – явилась тем неприступным бастионом, через который антихрист не смог перелезть... Общине св. Серафима в ее земной истории дано было отстоять веру в Бога неприкосновенной. Община эта, по

словам старца, была основой того монастыря, который поднялся ввысь, так что антихрист не смог в него войти.

Пророчество о временах антихриста старец много раз повторял сестрам в последние два года своей жизни, обращая их внимание на скорбь, которая постигнет Отечество после прославления преподобного (последовавшего 19 июля 1903 года): «Радость эта (радость прославления) будет на самое короткое время; что далее, матушки, будет... такая скорбь, чего от начала мира не было!» – и светлое лицо батюшки, говорит Летопись, вдруг изменилось,

померкло и приняло скорбное выражение. Опустя головку, он поник долу, и слезы струями полились по щекам... Но сестры помнили и слова утешения: «Когда век-то кончится, сначала станет антихрист с храмов кресты снимать да монастыри разорять, и все монастыри разорит! А к вашему-то подойдет, а канавка-то и станет от земли до неба, ему и нельзя к вам взойти-то, нигде не допустит канавка, – так прочь и уйдет!» {2}.

Тайна слов Серафимовых и по сию пору не до конца раскрыта, но семя, брошенное некогда святым на русскую землю и еще не видное земному глазу, прозябает до

раскрытия в славе.

Видение в день Благовещения

«Побеждай врага-диавола и противу его будь во всем мудра; Господь тебе во всем поможет!» {2}. – так обратился о. Серафим к сестре Евдокии Ефремовне (будущей матери Евпраксии, которую мы уже упоминали по поводу случая на мельнице) после явления Богоматери с Ангелами и святыми в день Благовещения, 25 марта 1831 года. Летопись сохранила рассказ этой монахини Евпраксии, которая, по воле старца, была вместе с ним

свидетельницей небесного
посещения. Вот ее рассказ (в
сокращенном виде):

...

*«Батюшка встретил
меня и говорит: «Ах,
радость моя, я тебя давно
ожидал! Какая нам с
тобою милость и
благодать от Божией
Матери готовится в
настоящий праздник! Велик
этот день будет для нас!»
– «Достойна ли я,
батюшка, получить»*

благодать, по грехам
моим», – отвечаю я. Но
батюшка приказал:
«Повторяй, матушка,
несколько раз кряду:
«Радуйся, Невесто
Неневестная! Аллилуиа!»
Потом начал говорить: «И
слышать-то никогда не
случалось, какой праздник
нас с тобою ожидает!» Я
начала было плакать...
Батюшка стал утешать
меня, говоря: «Хотя и
недостойна ты, но я о тебе
упросил Господа и Божию
Матерь, чтобы видеть
тебе эту радость! Давай

молиться!» И, сняв с себя
мантию, надел ее на меня и
начал читать акафисты и
каноны. Прочитав все это,
говорит мне: «Не убойся,
не устрашишь, благодать
Божия к нам является!
Держись за меня крепко!»
И вдруг сделался шум,
подобно ветру, явился
блистающий свет,
послышалось пение. Я не
могла все это видеть без
трепета и поникла
замертво на землю.
Батюшка упал на колени и,
воздев руки к небу, воззвал:
«О, Преблагословенная,

*Пречистая Деве,
Владычице Богородица!» В
келью вошла Царица
Небесная, окруженная
ангелами, святыми и
двенадцатью девами. Взяв
меня за правую руку,
Божия Матерь сказала:*

*«Не убойся, встань,
девица, мы пришли
посетить вас». Батюшка
Серафим стоял уже на
ногах перед Царицей
Небесною, и Она говорила
столь милостиво с ним, как
бы с родным человеком.
Мне же сказала, чтобы я
подошла к святым и девам*

и спросила их, кто они. Девы все говорили: «Не так Бог даровал нам эту славу, а за страдание и за поношение; и ты пострадаешь! Препжние мученицы страдали явно, а нынешние — тайно, сердечными скорбями, и мзда им будет такая же».

Пресвятая Богородица много говорила батюшке, но всего не могла я расслышать, а вот что слышала хорошо: «Не оставь дев моих дивеевских!» Отец Серафим отвечал: «О,

Владычица! Я собираю их, но сам собою не могу их управить!» На это Царица Небесная ответила: «Я тебе, любимиче Мой, во всем помогу! Возложи на них послушание, если потеряют мудрость, то лишатся участи сих блаженных дев Моих; ни места, ни венца такого не будет. Кто обидит их, тот поражен будет от Меня; кто послужит им ради Господа, тот помилован будет пред Богом!» Видение кончилось тем, что Царица Небесная

сказала отцу Серафиму:
«Скоро, любимиче Мой,
будешь с нами!», – и
благословила его.
Простились с ним и все
святые. Мне сказано было:
«Это видение тебе дано
ради молитв о. Серафима,
Марка, Назария и
Пахомия». Батюшка,
обратясь после этого ко
мне, сказал: «Вот,
матушка, какой благодати
сподобил Господь нас,
убогих. Мне таким образом
уже двенадцатый раз было
явление от Бога, и тебя
Господь сподобил; вот

*какой радости достигла!
Есть нам, почему веру и
надежду иметь ко Господу.
Побеждай врага-диавола и
противу его будь во всем
мудра; Господь тебе во
всем поможет!» {2}.*

У порога небесного

1832 год был последним годом жизни о. Серафима на земле. Старцу стало тяжело принимать множество посетителей, трудно ходить в свою лесную пустынь, хотя иногда он еще копал там грядки. Несмотря на слабость, до последних дней святой подвижник не оставлял своих суровых привычек; так, например, до службы в церкви он просто садился на пол. Некоторым посетителям он неоднократно говорил: «я силами ослабеваю» или «мы с тобою больше не увидимся», но никто не хотел понять намеков на его уже близкий конец... К этому времени как-то

умножились неприятности и огорчения из-за сомнений ближних или даже ложных показаний на старца со стороны некоторых внешних лиц. «Все сии обстоятельства, — сказал о. Серафим, — означают то, что я скоро не буду жить здесь, что близок конец моей жизни». {1}. Дары исцеления и прозорливости не покидали старца, особенно жива и вдохновенна была его беседа, да и сам он, испытывая особый прилив благодатных сил, говорил: «Духом я как бы сейчас родился, а телом ко всему мертв» {1}. Посетители свидетельствуют, что лицо старца не раз преображалось, когда он им говорил

о блаженстве жизни вечной: «Какая радость, какой восторг, – восклицал он, – объемлют душу праведника, когда, по разлучении с телом, ее встречают Ангелы и представляют пред лице Божие!» {1}. В последних беседах своих особенно настаивал старец, на хранении мира, того мира духовного, к которому относится нетленное, бессмертное речение преподобного: *Радость моя! Стяжи себе мирный дух, и тысячи вокруг тебя спасутся!*

Летопись упоминает, что в этом же 1832 году старца посетил пустынник Тимон, бывший его послушником; пришел он пешком, издалека, после двадцатилетней

разлуки, навестить своего любимого духовного отца. Отец Серафим не сразу его принял, но испытал его терпение, пропуская всех посетителей перед ним, вне очереди, так что Тимон ждал желанной встречи весь день. Зато всю ночь о. Серафим посвятил ему одному, услаждая его сердечной беседой и всяческими советами для успешного устройства нового монастыря.

Тут следует упомянуть, хотя и очень кратко, что прп. Серафим содействовал основанию нескольких монастырей, из которых можно назвать Ардатовский Покровский, Спасо-Зеленогорский и Знаменскую Курихинскую общину.

Забота о будущем Дивеевской Мельничной общины не покидала основателя ее: все сестры обители ведь были рождены к духовной жизни самим старцем, и сила благодати, определяющая их судьбу, присуща была исключительно его прозорливому руководству; хотя в среде его сотрудников и были люди святой жизни, как о. Василий Садовский или Михаил Мантуров, но не могли они ответить на все нужды духовные и житейские, как то мог постоянно делать сам о. Серафим, потому и сказал он сестрам: «После меня никто вам не заменит меня, — да прибавил, — Человека-то, матушки, днем с огнем не найдешь!

Оставляю вас Господу и Его Пречистой Матери». {2}.

Кончина святого старца приближалась. Перед новым 1833 годом, как-то заметил сосед его о. Павел, старец три раза ходил к правой стороне Успенского Саровского храма, где в 1825 году, выйдя из затвора, он положил большой камень. Стоя у места своей могилы, он долго в раздумье смотрел на землю, покрытую снегом.

Никто из насельников Саровской пустыни не подозревал, что настал последний день земной жизни дивного старца: то было воскресенье, 1 января 1833 года. По своему обыкновению о. Серафим

пришел на раннюю литургию в больничную церковь, поставил свечи и приложился к иконам, чего раньше не делал. Благословляя и обнимая братию, он говорил: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте! Нынешний день нам венцы готовятся». {1}. Но никто не понял пророческих слов; старец был бодр, спокоен, радостен, хотя телесно очень слаб.

В этот последний день о. Серафим принял еще некоторых лиц, дал хозяйственные распоряжения; так, он вручил одной дивеевской сестре 200 рублей на покупку насущного хлеба, ибо запасов у сестер больше не было.

В тот же день вечером о. Павел

слышал, как старец пел пасхальные песнопения:

*Воскресение Христово
видевше...*

*Светися, светися,
новый Иерусалиме...*

*О, Пасха велия и
священнейшая, Христе...*

Наступила ночь. Все было тихо. Выйдя из своей кельи рано утром, о. Павел заметил, что близ кельи о. Серафима пахнет дымом. Он постучал в дверь, но ответа не было; тогда о. Павел обратился к идущим на раннюю литургию монахам. Молодой послушник Аникита, сообразив, что дверь закрыта

изнутри, сразу сильным толчком открыл ее. Дым так и за клубился в морозной ночи. Вошли. Около двери на скамье тлели холщовые вещи да книги; в келье было совсем темно. Стали бросать снег и быстро потушили начинавшийся пожар. Столпившиеся братья, услыша, что о. Павел в темноте нащупал тело старца, принесли свечи, и взору их предстал усопший на коленях молитвенник с руками, скрещенными на груди, поверх медного распятия, с лицом, как бы еще погруженным в озаряющую его молитву.

Весть о кончине о. Серафима быстро разнеслась повсюду.

Вспомнили тогда, что старец говорил о пожаре, который возвестит о его смерти. Тело старца, облаченное по чину, было положено в тот самый выдолбленный в колоде гроб, который издавна стоял в его сенях, и поставлено в Саровском соборе, где оно оставалось открытым в течение восьми дней. Толпы народа стекались со всех сторон. Прикладывались с любовью к останкам незаменимого благодетеля. В день погребения за литургией так много было народа, что свечи около гроба тухли. Погребение святого совершил игумен Нифонт; надгробного слова не было, да и кто мог достойнее почтить память о.

Серафима, чем толпы благодарных посетителей?

Умер св. Серафим в одиночестве, в своей келье — как жил — пустынножителем. Собеседник Божией Матери незаметно для окружающих удалился в селения вечные. Давнишнему другу его, епископу Воронежскому Антонию, первому дано было знать о кончине святого, о чем он в тот же день поведал Н. Мотовилову, находившемуся в ту пору в том же Воронеже. Откровение о кончине старца также в тот же день было дано иеромонаху Глинской обители близ Курска; он увидел чудесный свет на небе и сказал: «Это душа

Серафима возносится!» А ближние насельники Саровские еще ничего не знали...

Дивеевским сестрам о. Серафим незадолго перед смертью оставил утешительное обещание, говоря: *«Когда меня не станет, вы ко мне на гробик-то ходите! Как вам время, вы и идите; чем чаще, тем лучше! Все, что есть на душе, что бы ни случилось с вами, о чем бы ни скорбели, придите ко мне, да все, все с собой-то принесите на мой гробик! Припав к земле, как живому, все и расскажите, и услышу я вас, вся скорбь ваша отлетит и пройдет! Как вы с живым всегда говорили, так и тут! Для вас я живой есть,*

буду и во веки!» {2}.

Когда мы вникаем в историю Саровской пустыни конца XVIII – начала XIX столетий, а также в историю связанной с ней Дивеевской обители, то взор наш поражен удивительной связью серафимовского периода ее расцвета с прошлым православного монашества в русском его преломлении и, еще более наглядно, с будущим не только самой Сарово-Дивеевской пустыни, но и с судьбой всей России.

Какова эта связь с прошлым и будущим? Прежде всего духовная, а кто говорит о духовном, тот указывает на связь органическую,

скрепленную Духом Божиим. Поэтому среди ряда подвижников, предшествовавших ему, св. Серафим встает не как отдельная яркая звезда среди более тусклого созвездия, а как могучий ствол, питающийся от древних корней и дающий бесчисленные разветвления.

Духовная связь с прошлым и будущим у прп. Серафима исполнена жизненной силы, ознаменована печатью великого дела, совершенного им. В частности, создание старцем Дивеевского женского монастыря было его включением в дело, начатое предшественниками, а в завершении, через полвека после его смерти,

процветание единственной в своем роде русской женской лавры; лавры, насчитывавшей до тысячи инокинь, явилось пророческим вступлением святого в судьбу России на пороге страшного разгрома всех церковных ее устоев...

Когда мы глубже вникаем в житие великого русского старца, то облик его предстает пред нами настолько исполненным истинного Православия, настолько явно украшенным дарами Духа Святого, что сам жизненный его путь и мы узреваем как икону жизни нашей Церкви; Церкви, идущей долгим крестным путем, под терновым венцом, но идущей под

водительством Пресвятой Троицы, не оставляющей рода Своего – детей Божиих; того рода, о котором печется и Пречистая Богоматерь, утешающая нас в лице избранного Своего старца.

Николай Мотовилов
Беседа преподобного
Серафима
Саровского о цели
христианской жизни

*Истинно, истинно
говорю вам: верующий в
Меня, дела, которые творю
Я, и он сотворит, и больше
сих сотворит.*

(Ин. 14,12)

Однажды, это было в Саровской пустыни, вскоре после исцеления моего, в начале зимы 1831 года, во вторник конца ноября, я стоял во время вечерни в теплом соборе Живоносного Источника на обыкновенном, как и потом всегда бывало, месте моем, прямо против чудотворной иконы Божией Матери. Тут подошла ко мне одна из сестер Мельничной общины Дивеевской. О названии и существовании этой общины, отдельной от другой церковной, тоже Дивеевской общины, я не имел тогда еще никакого понятия. Эта сестра сказала мне:

— Ты, что ли, хроменький барин,

которого исцелил вот недавно наш батюшка, о. Серафим?

Я отвечал, что это именно я и есть.

– Ну так, – сказала она, – иди к батюшке – он велел позвать тебя к себе. Он теперь в келье своей в монастыре и сказал, что будет ждать тебя.

Люди, хоть раз при жизни великого старца Серафима бывшие в Саровской пустыни и хоть только слышавшие о нем, могут постигнуть вполне, какою неизъяснимою радостью наполнилась душа моя при этом нечаянном зове его. Оставив слушание Божественной службы, я немедленно побежал к нему, в келию

его. Батюшка Серафим встретил меня в самих дверях сеней своих и сказал мне:

– Я ждал ваше Боголюбие! И вот только немного повремените, пока я поговорю с сиротами моими. Я имею много и с вами побеседовать. Садитесь вот здесь!

При этих словах он указал мне на лесенку с приступками, сделанную, вероятно, для закрывания труб печных и поставленную против печки его, устьем в сени, как и во всех двойных кельях Саровских, устроенной. Я сел было на нижнюю ступеньку, но он сказал мне:

– Нет, повыше сядьте!

Я пересел на вторую, но он

сказал мне:

— Нет, ваше Боголюбие! На самую верхнюю ступеньку садиться извольте. — И, усадив меня, прибавил:

— Ну, вот, сидите же тут и подождите, когда я, побеседовав с сиротами моими, выйду к вам.

Батюшка ввел к себе в келью двух сестер, из коих одна была девица из дворян, сестра нижегородского помещика Мантурова, Елена Васильевна, как с том мне на мой спрос сказали оставшиеся со мной в сенцах сестры.

Сидел я так часа два. Вышел ко мне из другой ближайшей ко входу в сени сей кельи келейник о.

Серафима Павел и, несмотря на отговоры мои, убедил меня посетить его келью и стал мне делать разные наставления к жизни духовной, в самом же деле имевшие целью, по наущению вражьему, ослабить мою любовь и веру в заслуги перед Богом великого старца Серафима.

Мне стало грустно, и я со скорбью сказал ему:

– Глуп я был, о. Павел, что, послушавшись убеждений ваших, вошел к вам в келью. Отец игумен, Нифонт – великий раб Божий, но и тут в Саровскую пустынь я не для него приезжал и приезжаю, хотя и весьма много его уважаю за его святиню, но лишь для одного только

батюшки о. Серафима, о коем думаю, что и в древности мало было таких святых угодников Божиих, одаренных силою Илииною и Моисеевою. Вы же кто такие, что навязываетесь ко мне с вашими наставлениями, тогда как, догадываюсь я, вы пути-то Божьего порядочно сами не знаете. Простите меня — я сожалею, что послушал вас и зашел к вам в келью.

С тем и вышел я от него и сел опять на верхнюю ступеньку лесенки в сенцах батюшкиной кельи. Потом я слышал от того же о. Павла, что батюшка грозно за это ему выговаривал, говоря ему: «Не твое дело беседовать с теми, которые

убогого Серафима слова жаждут и к нему приезжают в Саров. И я сам, убогий, не свое им говорю, но что Господь изволил мне открыть для назидания. Не мешайся не в свои дела. Себя самого знай, а учить никогда никого не смей; не дал Бог тебе этого дара – ведь он подается недаром людям, а за заслуги их перед Господом Богом нашим и по особенной Его милости и Божественному о людях смотрению и святому Промыслу Его».

Вписываю я это сюда для памяти и назидания дорожащих и малою речью и едва заметною чертою характера великого старца Серафима.

Когда же около двух часов побеседовали старец со своими сиротами, тогда дверь отворилась и батюшка, о. Серафим, проводив сестер, сказал мне:

— Долго задержал я вас, ваше Боголюбие, не взыщите! Вот, сиротки мои нуждались во многом: так я, убогий, и утешил их. Пожалуйте в келью!

В келье этой своей монастырской он пробеседовал со мною о разных предметах, относившихся до спасения души и до жизни мирской, и велел мне с о. Гурием, Саровским гостинником, на другой день после ранней обедни ехать к нему в ближнюю пустыньку.

II

Целую ночь проговорили мы с о. Гурием про о. Серафима, целую ночь, почти не спавши от радости, и на другой день отправились мы к батюшке о. Серафиму в его ближнюю пустыньку, даже ничего не пивши и ничего не закусивши; и целый день до поздней ночи не пивши, не евши, пробьли у дверей этой ближней его пустыньки.

Тысячи народа приходили к великому старцу, и все отходили, не получив его благословения, а, постояв немного в его сенцах, возвращались вспять; человек семь или восемь остались с нами ждать конца этого дня и выхода из

пустыньки батюшки о. Серафима: в том числе, как сейчас помню, была жена балахнинского казначея, из уездного города Нижегородской губернии Балахны, и какая-то странница, все хлопотавшая об открытии святых мощей Пафнутия, кажется, в Балахне нетленно почивающего. Они решились с нами дождаться отворения дверей великаго старца. Наконец и они смутились духом, и даже сам о. Гурий вечеру уже позднему наставшему очень смутился и сказал мне:

– Уж темно, батюшка, и лошадь проголодалась, и мальчик-кучер есть, вероятно, хочет. Да как бы,

если позже поедем, и звери на нас не напали бы.

Но я сказал:

– Нет, батюшка о. Гурий, поезжайте вы одни назад, если боитесь чего, а меня пусть хотя и звери растерзают здесь, а я не отойду от двери батюшки о. Серафима, хоть бы мне и голодную смертью при них пришлось умереть; я все-таки стану ждать его, покуда отворит он мне двери святой своей кельи!

И батюшка о. Серафим весьма немного погодя действительно отворил двери своей кельи и, обращаясь ко мне, сказал:

– Ваше Боголюбие, я вас звал, но не взыщите, что я не отворял целый

день: ныне среда, и я безмолвствую; а вот завтра – милости просим, я рад буду душевно с вами побеседовать. Но уже не так рано извольте жаловать ко мне, а то, не кушавши целый день, вы изнемогли вельми. А так – после поздней обедни да подкрепивши себя довольно пищею, пожалуйста с о. Гурием ко мне. Теперь грядите и подкрепитесь пищею – вы изнемогли...

И стал нас, начиная с меня, благословлять и сказал о. Гурию:

– Так, друг, так-то, радость моя, завтра с господином-то пожалуйста ко мне, на ближайшую мою пажникку, – там меня обрящете; а теперь грядите с миром. До

свидания, ваше Боголюбие!

С этими словами батюшка опять затворился.

Никакое слово не может выразить той радости, которую я ощутил в сердце моем. Я плавал в блаженстве. Мысль, что, несмотря на долготерпение целого дня, я хоть под конец да сподобился, однако же, не только узреть лицо о. Серафима, но и слышать привет его Богодухновенных словес, так и утешила меня. Да, я был на высоте блаженства, никаким земным подобием неизобразимой! И, несмотря на то, что я целый день не пил, не ел, я сделался так сыт, что как будто наелся до пресыщения и

напился до разумного упоения. Говорю истину, хоть, может быть, для некоторых, не испытавших на деле, что значит сладость, сытость и упоение, которыми преисполняется человек во время наития Духа Божия, слова мои и покажутся преувеличенными и рассказ чересчур восторженным. Но уверяю совестью православно-христианскою, что нет здесь преувеличения, а все сказанное сейчас мною есть не только сущая истина, но даже и весьма слабое представление того, что я действительно ощущал в сердце моем.

Но кто даст мне глагол, могущий хоть мало, хоть отчасти

выразить, что восчувствовала душа моя на следующий день?!

III

Это было в четверток. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка о. Серафим начал беседу со мной на ближней пажнинке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что им срубленного дерева, а сам стал против меня на корточках.

— Господь открыл мне, — сказал великий старец, — что в ребячестве

вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...

Я должен сказать тут, что с 12-летнего возраста меня эта мысль неотступно тревожила, и я, действительно, ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно.

— Но никто, — продолжал о. Серафим, — не сказал вам о том определенительно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро — вот

тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты небогоугодным любопытством и говорили вам: высших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я, убогий Серафим, растолкую вам теперь, в чем действительно эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. *Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого*

Божьего. Пост же и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святого Духа Божиего. Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святого Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: *Всяк, иже не собирает со Мною, той расточает.* Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро.

Писание говорит: *Во всяком языке бойся Бога и делай правду приятен Ему есть.* И, как видим из последовательности священного повествования, этот *делай правду* до того приятен Богу, что Корнилию сотнику, боявшемуся Бога и делавшему правду, явился Ангел Господень во время молитвы его и сказал: *Пошли во Иоппию к Симону Усмарю, тамо обрящеши Петра, и той ти ренет глаголы живота вечного, в нихже спасешися ты и весь дом твой.*

Итак, Господь все Свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не

лишиться награды в жизни пакибытия. Но для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, пришедшего в мир грешных спасти, и приобретением себе благодати Духа Святого, вводящего в сердца наши Царствие Божие и прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века. Но тем и ограничивается эта приятность Богу дел добрых, не ради Христа делаемых: Создатель наш дает средства на их осуществление. За человеком остается или осуществить их, или нет. Вот почему Господь сказал Евреям: *Аще не бысте видели, греха не бысте имели. Ныне же*

глаголете – видим, и грех ваш пребывает на вас. Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного, и уверует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему, как бы ради Христа сделанное и только за веру в Него. В противном же случае человек не вправе жаловаться, что добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда только при делании какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатию Духа Святого, и притом, как сказано:

Не в меру бо дает Бог Духа Святого. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его.

Так-то, ваше Боголюбие! Так в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божиего.

— Как же стяжание? — спросил я батюшку Серафима, — я что-то этого не понимаю.

— Стяжание все равно, что приобретение, — отвечал мне он, — ведь вы разумеете, что значит стяжание денег. Так все равно и

стяжание Духа Божия. Ведь вы, ваше Боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание, или наживание денег, а у дворян, сверх того, — получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, чиновный и временный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос, уподобляет жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именуется

куплею и говорит всем нам: *Купуйте, дондеже прииду, искупующе время, яко дние лукави суть*, – то есть выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары – это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятого Духа. В притче о мудрых и юродивых девах, когда у юродивых не доставало елея, сказано: *Шедши купите на торжищи*. Но когда они купили, двери в чертог брачный уже были затворены и они не могли войти в него. Некоторые говорят, что недостаток елея у юродивых дев знаменует недостаток у них прижизненных добрых дел. Такое

разумение не вполне правильно. Какой же это у них был недостаток в добрых делах, когда они хоть юродивыми, да все же девами называются? Ведь девство есть наивысочайшая добродетель, как состояние равноангельское, и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей. Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятого Духа Божиего не доставало. Творя добродетели, девы эти, по духовному своему неразумию, полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы-де добродетель и тем-де и дело Божие сотворили, а до того, получена ли

была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такие-то образы жизни, опирающиеся лишь на одно творение добродетелей, без тщательного испытания, приносят ли они и сколько именно приносят благодати Духа Божиего, и говорится в отеческих книгах: *Ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его – во дно адово.* Антоний Великий в письмах своих к монахам говорит про таких дев: «Многие монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях, действующих в человеке, и не ведают, что в нас действуют три воли: первая — Божия,

всесовершенная и всеспасительная; вторая — собственная своя, человеческая, то есть если не пагубная, то и не спасительная; и третья — бесовская — вполне пагубная».

И вот эта-то третья вражеская воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, а не ради Христа. Вторая — собственная воля наша — научает нас делать все в услаждение нашим похотям, а то и, как враг научает, творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую. Первая же — воля Божия и всеспасительная — в том

только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святого как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно оцениться не могущего.

Оно-то, это стяжание Духа Святого, собственно и называется тем елеем, которого недоставало у юродивых дев. За то-то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Духа Святого, без Которого и спасения никому нет и быть не может, ибо: *Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется Троическим единством*

священнотайне. Сам Дух Святой вселяется в души наши, и это-то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Троического Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святого, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божиему всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божиему: *Вселюся в них и похожду, и буду им в Бога, и тии будут в людие Мои.*

Вот это-то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть,

и девы те с этими горящими
светильниками могли дождаться и
Жениха, пришедшего во полунощи, и
войти с Ним в чертог радости.
Юродивые же, видевши, что угасают
их светильники, хотя и пошли на
торжище, да купят елея, но не успели
возвратиться вовремя, ибо двери уже
были затворены.

Торжище — жизнь наша; двери
чертога брачного, затворенные и не
допустившие к Жениху, — смерть
человеческая; девы мудрые и
юродивые — души христианские; елей
— не дела, но получаемая через них
вовнутрь естества нашего благодать
Всесвятого Духа Божия,
претворяющая оное от сего в сие, то

есть от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную; от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери, – в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших. Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, то есть невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: *Се стою при дверех и толку!*.. – разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью.

О, как желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божиим! *В чем*

застану, в том и сужу, – говорит Господь. Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечением и печальями житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его кто станет! Вот почему сказано: *Бдите и молитесь, да не внидите в напасть*, – то есть да не лишитесь Духа Божия, ибо бдение и молитва приносят нам благодать Его.

Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святого, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших, как орудие для стяжания благодати Духа. Захотели бы вы, например, в церковь

сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостоять не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет, или случая сыскать не можно. А до молитвы уже это никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — и богатому, и бедному, и знатному, и простому, и сильному, и слабому, и здоровому, и больному, и праведнику, и грешнику.

Как велика сила молитвы даже и грешного человека, когда она от всей души возносится, судите по следующему примеру Священного Предания: когда по просьбе отчаянной матери, лишившейся единородного сына, похищенного смертью, жено-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила Господу: «Не мене ради грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверенной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ее!..» — и воскресил его

Господь.

Так-то, ваше Боголюбие, велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божиего, и ее удобнее всего всякому исправлять.

Блаженны мы будем, когда обрящет нас Господь Бог бдящими, в полноте даров Духа Его Святого! Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть восхищенными на облацех во сретение Господа на воздухе, Грядущего со славою и силою многою, судити живым и мертвым и воздати комуждо по делом его.

Вот, ваше Боголюбие, за великое счастье считать изволите с убогим Серафимом беседовать, уверены

будучи, что и он не лишен благодати
Господней, – то что речем о Самом
Господе, Источнике
приснонеоскудевающим веяния
благостыни и небесныя и земныя?! А
ведь молитвою мы с Ним Самим,
Всеблагим и Животворящим Богом и
Спасом нашим, беседовать
удостоиваемся. Но и тут надобно
молиться лишь до тех пор, пока Бог
Дух Святый не сойдет на нас в
известных Ему мерах небесной
Своей благодати. И когда благоволит
Он посетить нас, то надлежит уже
перестать молиться. Чего же и
молиться тогда Ему: *Прииди и
вселися в ны, и очисти ны от всякая
скверны, и спаси, Блаже, души*

наша, – когда уже пришел Он к нам, во еже спасти нас, уповающих на Него и призывающих имя Его святое во истине, то есть с тем, чтобы смиренно и с любовью сретить Его, Утешителя, внутрь храмин душ наших, алчущих и жаждущих Его пришествия.

Я вашему Боголюбию поясню это примером: вот хоть бы вы меня в гости к себе позвали, и я бы по зову вашему пришел к вам и хотел бы побеседовать с вами. А вы бы все-таки стали меня приглашать: милости-де просим, пожалуйста, дескать, ко мне! То я поневоле должен был бы сказать: что это он, из ума, что ли выступил? Я пришел к

нему, а он все-таки меня зовет! Так-то и до Господа Бога Духа Святого относится. Потому-то и сказано: *Упразднитесь и разумеите, яко Аз есмь Бог, вознесуся во языцех, вонесуся на земли,* то есть явлюся и буду являться всякому верующему в Меня и призывающему Меня и буду беседовать с ним, как некогда беседовал с Адамом в раю, с Авраамом и Иаковом и с другими рабами Моими, с Моисеем, Иовом и им подобными. Многие толкуют, что это упразднение относится только к делам мирским, то есть что при молитвенной беседе с Богом надобно упраздниться от мирских дел. Но я вам по Бозе скажу, что хотя и от них

при молитве необходимо упраздниться, но когда, при всемогущей силе веры и молитвы, соизволит Господь Бог Дух Святой посетить нас и придет к нам в полноте неизреченной Своей благодати, то надобно и от молитвы упраздниться. Молвит душа и в молве находится, когда молитву творит; а при нашествии Духа Святого надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит притом быть в полном трезвении и души, и духа и в целомудренной чистоте плоти. Так было при горе

Хориве, когда израильтянам было сказано, чтобы они до явления Божиего на Синае за три дня не прикасались бы и к женам, ибо Бог наш есть *огнь поядаяй все нечистое*, и в общение с Ним не может войти никтоже от скверны плоти и духа.

IV

– Ну а как же, батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа, для стяжания благодати Духа Святого? Ведь вы мне с молитве только говорить изволите?

– Стяжевайте благодать Духа Святого и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыльок

дают. Собирайте капитал
благодатных избытков благодати
Божией, кладите их в ломбард
вечный Божий из процентов
невещественных, и не по четыре или
по шести на сто, но по сту на один
рубль духовный, но даже еще того в
бесчисленное число раз больше.
Примерно: дает вам более благодати
Божией молитва и бдение, бдите и
молитесь; много дает Духа Божиего
пост, поститесь; более дает
милостыня, милостыню творите, и
таким образом о всякой добродетели,
делаемой Христа ради, рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя,
убогого Серафима. Родом я из
курских купцов. Так, когда не был я

еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте, и как в торговом деле, не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше барыша получить, так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать. Хотя апостол и говорит: *Непрестанно молитесь*, – но да ведь, как помните, и прибавляет: *Хочу лучше пять словес рещи умом, нежели тысящи языком*. И Господь говорит: *Не всяк глаголай Ми: Господи, Господи, спасетя, но творяй волю Отца Моего*, – то есть

делающий дело Божие, и притом с благоговением, ибо проклят всяк, иже творит дело Божие с нерадением. А дело Божие есть: *Да веруете в Бога и Егоже послал есть Иисуса Христа.* Если рассудить правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, то есть в ящем приобретении обильнейших даров Духа Святого.

Так желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы и вы сами стяжали

ЭТОТ приснонеоскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали в себе, в Духе ли Божиим вы обретаетесь или нет; и если в Духе Божиим, то благословен Бог! – не о чем горевать: хоть сейчас – на Страшный Суд Христов! *Ибо в чем застаю, в том и сужду.* Если же нет, то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святой изволил оставить нас, и снова искать и доискиваться Его, и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святой не сыщется и не будет снова с нами Своею благодатию. На отгоняющих же нас от Него врагов наших надобно так нападать, покуда и прах их

возметется, как сказал пророк Давид:
*Пожену враги моя и постигну я, и не
возвращусь, дондеже скончаются,
оскорблю их, и не возмогут стати,
падут под ногама моима.*

Так-то, батюшка. Так и извольте торговать духовно добродетелью. Раздавайте дары благодати Духа Святого требующим по примеру свечи возженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свечи, не умаляя своего собственного огня, зажигает во светение всем в других местах. И если это так в отношении огня земного, то что скажем об огне благодати Всесвятого Духа Божия?! Ибо, например, богатство земное,

при раздавании его, оскудевает, богатство же небесное Божией благодати чем более раздается, тем более приумножается у того, кто его раздает. Так и Сам Господь изволил сказать самарянке: *Пияй от воды сей возжаждет вновь, а пияй от воды, юже Аз ему дам, не возжаждет во веки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник приснотекущий в живот вечный.*

V

– Батюшка, – сказал я, – вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Духа Святого как о цели христианской жизни; но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святой может

быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

– Мы в настоящее время, – так отвечал старец, – по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом, до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: *И виде Адам Господа, ходящего в раи,* или когда читаем у апостола Павла: *идохом во Ахаию, и Дух Божий не*

иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами. Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человекам.

Вот некоторые и говорят, что эти места непонятны: неужели люди так очевидно могли видеть Бога? А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и, под предлогом просвещения, зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах

понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным. Так Иов, когда друзья его укоряли в том, что он хулит Бога, отвечал им: «Как это может быть, когда я чувствую дыхание Вседержителя в ноздрях моих?» – то есть как-де я могу хулить Бога, когда Дух Святой со мной пребывает? Если бы я хулил Бога, то Дух Святой отступил бы от меня, а вот я и дыхание Его ощущаю в ноздрях моих. Таким точно образом говорится и про Авраама и про Иакова, что они видели Господа и беседовали с Ним, а Иаков даже и боролся с Ним. Моисей видел Бога и весь народ с ним, когда он сподобился приять от Бога скрижали

закона на горе Синае. Столб
облачный и огненный, или, что то
же, – явная благодать Духа Святого, –
служили путеводителями народу
Божью в пустыне. Бога и благодать
Духа Его Святого люди не во сне
видели, и не в мечтании, и не в
исступлении воображения
расстроенного, а истинно въяве.

Очень уж мы стали
невнимательны к делу нашего
спасения, отчего и выходит, что мы и
многие другие слова Священного
Писания приемлем не в том смысле,
как бы следовало. А все потому, что
не ищем благодати Божией, не
допускаем ей, по гордости ума
нашего, вселиться в души наши и

потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущих и жаждущих правды Божией.

Вот, например, многие толкуют, что, когда в Библии говорится: *Вдуну Бог дыхание ни в лице Адама первозданного и созданного Им от персти земной*, — что будто бы это значило, что в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была будто бы лишь плоть одна, созданная из персти земной. Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как батюшка святой апостол Павел утверждает: *Да будет*

всесовершен ваш дух, душа и плоть в пришествие Господа нашего Иисуса Христа. И все три сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим, живущим на земле одушевленным Божиим созданиям.

Но вот в чем сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лицо его сего дыхания жизни, то есть благодати Господа Бога Духа Святого, от Отца исходящего и в Сыне почивающего и ради Сына в мир посылаемого, то Адам, как ни был он совершенно превосходно создан над прочими Божьими

созданиями, как венец творения на земле, все-таки пребыл бы неимущим внутри себя Духа Святого, возводящего его в Богоподобное достоинство, и был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим и плоть, и душу, и дух, принадлежащие каждому по роду их, но Духа Святого внутри себя неимущим. Когда же вдунул Господь в лице Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и *Адам бысть в душу живу*, то есть совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков бессмертную.

Адам сотворен был до того неподлежащим действию ни одной

из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастях своих, ни воздух не мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорено было ему, как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. И все любовалось на него, как на всесовершенный венец творений Божиих. От этого-то дыхания жизни, вдохнутого в лице Адамово из всетворческих уст Всетворца и Вседержителя Бога, Адам до того преумудрился, что не было никогда от века, нет, да и едва ли будет когда-нибудь на земле человек премудрее и многозначительнее его.

Когда Господь повелел ему нареши имена всякой твари, то каждой твари он дал на языке такие названия, которые знаменуют вполне все качества, всю силу и все свойства твари, которые она имеет по дару Божию, дарованному ей при ее сотворении. Вот по этому-то дару выше естественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разуместь и Господа, ходящего в рай, и постигать глаголы Его, и беседы святых Ангелов, и язык всех тварей, птиц и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас, как от падших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так

ясно.

Такую же премудрость, и силу, и всемогущество, и все прочие благие и святые качества Господь Бог даровал и Еве, сотворив ее не от персти земной, а от ребра Адамова в Едеме сладости, в раю, насажденном Им посреди земли. Для того, чтобы они могли удобно и всегда поддерживать в себе бессмертные, Богоблагодатные и всесовершенные свойства сего дыхания жизни, Бог посадил посреди рая древо жизни, в плодах которого заключил всю сущность и полноту даров этого Божественного Своего дыхания. Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все их потомство могли бы всегда,

пользуясь вкушением от плода древа жизни, поддерживать в себе вечно животворящую силу благодати Божией и бессмертную, вечно юную полноту сил плоти, души и духа и непрестанную нестареемость бесконечно бессмертного всеблаженного своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятного.

Когда же вкушением от древа познания добра и зла — преждевременно и противно заповеди Божией — узнали различие между добром и злом и подверглись всем бедствиям, последовавшим за преступление заповеди Божией, то лишились этого бесценного дара

благодати Духа Божия, так что до самого пришествия в мир Богочеловека Иисуса Христа Дух Божий *не убо бе в мире, яко Иисус не убо бе прославлен*. Однако это не значит, что Духа Божиего вовсе не было в мире, но Его пребывание не было таким полномерным, как в Адаме или в нас, православных христианах, а проявлялось только отвне, и признаки Его пребывания в мире были известны роду человеческому. Так, например, Адаму после падения, а равно и Еве вместе с ним, были открыты многие тайны, относившиеся до будущего спасения рода человеческого. И Каину, несмотря на нечестие его и

преступление, удобопонятен был глас благодатного Божественного, хотя и обличительного, собеседования с ним. Ной беседовал с Богом. Авраам видел Бога и день Его и возрадовался. Благодать Святого Духа, действовавшая отвне, отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля. У евреев потом заведены были особые пророческие училища, где учили распознавать признаки явления Божиего или Ангелов и отличать действия Духа Святого от обыкновенных явлений, случающихся в природе неблагоприятной земной жизни. Симеону Богоприимцу, Богоотцам

Иоакиму и Анне и многим бесчисленным рабам Божиим бывали постоянные, разнообразные въяве Божественные явления, гласы, откровения, оправдывавшиеся очевидными чудесными событиями.

Не с такою силой, как в народе Божием, но проявление Духа Божиего действовало и в язычниках, не ведавших Бога истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей. Таковы, например, были девственницы-пророчицы, сивиллы, которые обрекали свое девство хотя для Бога неведомого, но все же для Бога, Творца вселенной, Вседержителя и Мироправителя, каковым Его и

язычники сознавали. Также и философы языческие, которые хотя и во тьме неведения Божественного блуждали, но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть по самому этому Боголюбезному ее исканию не непричастными Духу Божию, ибо сказано: *Языки, не ведущие Бога естеством законная творят и угодная Богу соделывают.* А истину так ублажает Господь, что Сам про нее Духом Святым возвещает: *Истина от земли возсия, и правда с небесе приниче.*

Так вот, ваше Боголюбие, и в еврейском священном, Богу любезном народе, и в язычниках, не ведущих Бога, все-таки сохранялось

ведение Божие, то есть, батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святой действует в человеке и как именно и по каким наружным и внутренним ощущениям можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святой, а не прелесть вражеская. Таким-то образом все это было от падения Адама до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мир.

Без этого, ваше Боголюбие, всегда сохранявшегося в роде человеческом ощутительно о действиях Духа Святого понимания не было бы людям нипочем возможности узнать в точности, —

пришел ли в мир обетованный Адаму и Еве плод семени жены, имеющий стереть главу змиеву.

Но вот Симеон Богоприимец, сохраненный Духом Святым после предвозвещения ему на 65-м году его жизни тайны приснодевственного от Пречистыя Приснодевы Марии Егс зачатия и рождения, проживши по благодати Всесвятого Духа Божиего 300 лет, потом на 365-м году жизни своей сказал ясно в храме Господнем, что ощутительно узнал по дару Духа Святого, что это и есть Он Самый, Тот Христос, Спаситель мира, о вышестественном зачатии и рождении Коего от Духа Святого ему было предвозвещено триста лет тому

назад от Ангела.

Вот и святая Анна пророчица, дочь Фануилова, служившая восемьдесят лет от вдовства своего Господу Богу в храме Божиим и известная по особенным дарам благодати Божией за вдовицу праведную, чистую рабу Божию, возвестила, что это действительно Он и есть обетованный миру Мессия, истинный Христос, Бог и человек Царь Израилев, пришедший спасти Адама и род человеческий.

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то по Воскресении Своем дунул на апостолов, возобновив дыхание

жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту же самую адамовскую благодать Всесвятого Духа Божиего. Но мало сего – ведь говорил же Он им: *Уне есть им, да Он идет ко Отцу; аще же бо не идет Он, то Дух Божий не придет в мир; аще же идет Он, Христос, ко Отцу, то послет Его в мир, и Он, Утешитель, наставит их и всех последующих их учению на всякую истину и воспомянет им вся, яже Он глаголал им еще сущи в мире с ними.* Это уже обещана была Им благодать-возблагодать.

И вот в день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Святого в дыхании бурне, в виде

огненных языков, на коемждо из них седших, и вошедших в них, и наполнивших их силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах причащающихся Ее силе и действиям. И вот эту-то самую огнедохновенную благодать Духа Святого, когда она подается нам всем верным Христовым в Таинстве Святого Крещения, священно запечатлевают Миропомазанием в главнейших, указанных Святою Церковию, местах нашей плоти, как вековечной хранительницы этой благодати. Говорится: *Печать дара Духа Святого*. А на что, батюшка,

дарованный ему срок при посредстве
свыше дарованной ему силы
благодати сможет совершить? И если
бы мы не грешили никогда после
Крещения нашего, то во веки
пребыли бы святыми, непорочными
и изъятыми от всякия скверны плоти
и духа угодниками Божиими.

Но вот в том-то и беда, что мы,
преуспевая в возрасте, не
преуспеваем в благодати и в разуме
Божием, как преуспевал в том
Господь наш Христос Иисус, а
напротив того, развращаясь мало-
помалу, лишаемся благодати
Всесвятого Духа Божиего и делаемся
в многообразных мерах грешными и
многогрешными людьми. Но когда

кто, будучи возбужден ищущею нашего спасения премудростью Божиею, обходящею всяческая, решится ради нее на утреневание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ее, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к сотворению противоположных содеянным грехам добродетелей, а через добродетели Христа ради к приобретению Духа Святого, внутри нас действующего и внутри нас Царствие Божие устраивающего.

Слово Божие недаром говорит: *Внутри вас есть Царствие Божие и нужно есть оно, и нуждницы е*

восхищают. То есть те люди, которые, несмотря и на узы греховные, связавшие их и не допускающие своим насилием и возбуждением на новые грехи прийти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным покаянием на истязание с Ним, презирая всю крепость этих греховных связок, нудятся расторгнуть узы их, такие люди являются потом действительно перед лице Божие паче снега убеленными Его благодатию. *Приидите,* – говорит Господь, – *и аще грехи ваши будут, яко багряное, то яко снег убелю их.* Так некогда святой тайновидец Иоанн Богослов видел таких людей во одеждах белых,

то есть одеждах оправдания, и *финицы в руках их* как знамение победы, и пели они Богу дивную песнь *Аллилуиа*. *Красоте пения их никтоже подражати можаше*. Про них Ангел Божий сказал: *Сии суть, иже приидоша от скорби великая, иже испраша ризы своя и убелиша ризы своя в Крови Агнчей*, – испраша страданиями и убелиша их в Причащении Пречистых и Животворящих Тайн Плоти и Крови Агнца Непорочна и Пречиста Христа, прежде всех век закланного Его собственною волею за спасение мира, присно и доньне закалаемого и раздробляемого, но николиже иждиваемого, подающего же нам в

вечное и неоскудеваемое спасение наше, в напутие живота вечного, во ответ благоприятен на Страшном Судищи Его и замену дражайшую и всяк ум превосходящую того плода древа жизни, которого хотел было лишить наш род человеческий враг человеков, спадший с небесе Денница. Хотя враг диавол и обольстил Еву, и с нею пал и Адам, но Господь не только даровал им Искупителя в плоде Семени Жены, смертью смерть поправшего, но и дал всем нам в Жене, Приснодеве Богородице Марии, стершей в Самой Себе и стирающей во всем роде человеческом главу змиеву, неотступную Ходатаицу к Сыну

Своему и Богу нашему, непостыдную и непреборимую Предстательницу даже за самых отчаянных грешников. По этому самому Божия Матерь и называется *Язвою бесов*, ибо нет возможности бесу погубить человека, лишь бы только сам человек не отступил от прибегания к помощи Божией Матери.

VI

– Еще, ваше Боголюбие, должен я, убогий Серафим, объяснить, в чем состоит различие между действиями Духа Святого, священнотайне вселяющегося в сердца верующих в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и действиями тьмы греховной, по наущению и разжению

бесовскому воровски в нас действующей. Дух Божий воспоминает нам словеса Господа нашего Иисуса Христа и действует едино с Ним, всегда торжественно, радосотворя сердца наши и управляя стопы наши на путь мирен, а дух лестчий, бесовский, противно Христу мудрствует, и действия его в нас мятежны, стропотны и исполнены похоти плотской, похоти очес и гордости житейской. *Аминь, аминь, глаголю вам, всяк живой и веруяй в Мя не умрет во веки:* имеющий благодать Святого Духа за правую веру во Христа, если бы по немощи человеческой и умер душевно от какого-либо греха, то не

умрет во веки, но будет воскрешен благодатию Господа нашего Иисуса Христа, вземлющего грехи мира и туне дарующего благодать-возблагодать. Про эту-то благодать, явленную всему миру и роду нашему человеческому в Богочеловеке, и сказано в Евангелии: *В Том живот бе и живот бе свет человеком, – и прибавлено: И свет во тьме светится, и тьма Его не объят.* Это значит, что благодать Духа Святого, даруемая при Крещении во имя Отца и Сына и Святого Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим Божественным

светом бесценных заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника глаголет ко Отцу: «Авва Отче! Не до конца прогневайся на нераскаянность эту!» А потом, при обращении грешника на путь покаяния, совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святого, о стяжании которой как о цели жизни христианской, я и говорю столько времени вашему Боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуметь под благодатию Божиею, и как распознать ее, и в чем особенно

проявляется ее действие в людях, ею просвещенных.

Благодать Духа Святого есть свет, просвещающий человека. Об этом говорит все Священное Писание. Так, Богоотец Давид сказал: *Светильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим; и аще не закон Твой научение мне был, тогда убо погибл бых во смиреннии моем.* То есть благодать Духа Святого, выражающаяся в законе словами заповедей Господних, есть светильник и свет мой, и если бы не эта благодать Духа Святого, которую я так тщательно и усердно стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбах правды

Твоей, просвещала меня во тьме забот, сопряженных с великим званием моего царского сана, то откуда бы я взял себе хоть искру света, чтобы озарить путь свой по дороге жизни, темной от недоброжелательства недругов моих?

И на самом деле, Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святого на тех людях, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него – так сиял он необыкновенным светом, окружавшим лицо его. Он даже

принужден был являться народу не иначе, как под покрывалом. Вспомните Преображение Господне на горе Фаворе. Великий свет объял Его, и *быша ризы Его, блещущия яко снег, и ученицы Его от страха падоша ниц.* Когда же Моисей и Илия явились к Нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, *облак, сказано, осени их.* И таким-то образом благодать Всесвятого Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ее.

VII

— Каким же образом, — спросил я

батюшку о. Серафима, – узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святого?

– Это, ваше Боголюбие, очень просто! – отвечал он мне, – поэтому и Господь говорит: *Вся проста суть обретающим разум...* Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не ищем этого разума Божественного, который не кичит, ибо не от мира сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение Ему. Про этот разум Господь сказал: *Бог хочет всем спастися и в разум истины прийти.* Апостолам же Своим про недостаток этого разума Он сказал: *Ни ли*

неразумливи есте и не чли ли Писания, и притчи сия не разумеете ли?.. Опять же про этот разум в Евангелии говорится про апостолов, что *отверз им тогда Господь разум разумети Писания.* Находясь в этом разуме, и апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них или нет и, проникнутые Им, видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что дело их свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: *Изволися Духу Святому и нам,* — и только на этих основаниях и предлагали свои послания, как истину непреложную, на пользу всем верным — так святые

апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божиего. Так вот, ваше Боголюбие, видите ли, как это просто? Я отвечал:

– Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божиим. Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка о. Серафим отвечал:

– Я уже, ваше Боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божиим и как должно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

– Надобно, – сказал я, – чтобы я понял это хорошенько!..

Тогда о. Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

– Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобою!.. Что же ты не смотришь не меня?

Я отвечал:

– Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли!..

О. Серафим сказал:

– Не уstraшайтеcь, ваше Боголюбие! И вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божиего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть. И, приклонив ко мне

свою голову, он тихонько на ухо сказал мне:

– Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи! Удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, которым Ты достаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей!» И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот Его

неизреченный дар нам обоим! Этак, батюшка, не всегда и великим пустынноикам являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь – Господь с нами!

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите

движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажен кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда?

— Что же чувствуете вы теперь? — спросил меня о. Серафим.

– Необыкновенно хорошо! –
сказал я.

– Да как же хорошо? Что
именно? Я отвечал:

– Чувствую я такую тишину и
мир в душе моей, что никакими
словами выразить не могу!

– Это, ваше Боголюбие, – сказал
батюшка Серафим, – тот мир, про
который Господь сказал ученикам
Своим: *Мир Мой даю вам, не якоже
мир дает, Аз даю вам. Аще бо от
мира были бысте, мир убо любил
свое, но якоже избрах вы от мира,
сего ради ненавидит вас мир. Обаче
дерзайте, яко Аз победих мир.* Вот
этим-то людям, ненавидимым от
мира сего, избранным же от Господа,

и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете; мир, по слову апостольскому, *всяк ум преимуций*. Таким его называет апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь. Бог Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому: он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим... Что же еще чувствуете вы? – спросил меня о. Серафим.

– Необыкновенную сладость! – отвечал я. И он продолжал:

– Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: *От твоя дому Твоего упиются и потоком сладости Твоя напоиши я.* Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по всем жилам нашим неизреченным улаждением. От этой-то сладости наши сердца как будто тают и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же еще вы чувствуете?

– Необыкновенную радость во всем моем сердце!

И батюшка о. Серафим

продолжал:

– Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостью, ибо Дух Божий радосотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: *Жена егда рождает, скорбь имать, яко прииде год ея; егда же родит отроча, ктому не помнит скорби за радость, яко родися человек в мир. В мире скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возмет от вас.*

Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами Своего апостола сказал, что радости той *ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яже уготова Бог любящим Его.* Предзатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготована там, на небесах, плачущим здесь, на земле?! Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какую радостью утешает вас Господь

еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы, труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: *Терпящие же Господа, тии изменят крепость, окрилотеют, яко орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу, и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений.* Вот тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам в мале и вкратце, явится во всей полноте своей, и никтоже возьмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений... Что же

еще вы чувствуете, ваше Боголюбие?
Я отвечал: — Теплоту
необыкновенную!

— Как, батюшка, теплоту? Да
ведь мы в лесу сидим. Теперь зима
на дворе, и под ногами снег, и на нас
более вершка снегу, и сверху крупа
падает... Какая же может быть тут
теплота?!

Я отвечал:

— А такая, какая бывает в бане,
когда поддадут на каменку и когда из
нее столбом пар валит...

— И запах, — спросил он меня, —
такой же, как из бани?

— Нет, — отвечал я, — на земле
нет ничего подобного этому
благоуханию. Когда еще при жизни

матушки моей я любил танцевать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших модных магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания...

И батюшка Серафим, приятно улыбнувшись, сказал:

— И сам я, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас — так ли вы это чувствуете? Сущая правда, ваше Боголюбие! Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание

Святого Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему!.. Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает, и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляет нас вопиять к Господу: *Теплотою Духа Святаго согрей мя!* Ею-то согреваемые пустыnnики и пустыnnицы не боялись зимнего мраза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святого Духа истканную. Так ведь и должно

быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: *Царствие Божие внутри вас есть*. Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святого. Вот это Царствие Божие теперь внутри вас и находится, а благодать Духа Святого и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многообразным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напоая сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое апостол говорит: *Царствие*

Божие несть пища и питие, но правда и мир о Дусе Святе. Вера наша состоит не в препретельных земных премудрости словах, но в явлении силы и духа. Вот в этом-то состоянии мы с вами теперь и находимся. Про это состояние именно и сказал Господь: Суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силе ... Вот, батюшка, ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог!.. Вот что значит быть в полноте Духа Святого, про которую св. Макарий Египетский пишет: «Я сам был в полноте Духа Святого»...

Этою-то полнотою Духа Своего Святого и нас, убогих, преисполнил теперь Господь....Ну, уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святого!.. Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

— Не знаю, батюшка, — сказал я, — удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую, эту милость Божию.

— А я мню, — отвечал мне о. Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей, ибо иначе благодать Его не

преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более, что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божиим, и другим могли быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святого. Господь ищет сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему – вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он

является в полноте Своей пренебесной славы. *Сыне, даждь Ми сердце твое!* – говорит Он, – *а все прочее Я Сам приложу тебе*, ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие. Господь заповедует ученикам Своим: *Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам. Весть бо Отец ваш Небесный, яко всех сих требуете.* Не укоряет Господь Бог за пользование благами земными, ибо и Сам говорит, что, по положению нашему в жизни земной, мы всех сих требуем, то есть всего, что успокаивает на земле нашу человеческую жизнь и делает удобным и более легким путь наш к

Отечеству Небесному. На это опираясь, св. апостол Петр сказал, что, по его мнению, нет ничего лучше на свете, как благочестие, соединенное с довольством. И Церковь Святая молится о том, чтобы это было нам даровано Господом Богом; и хотя прискорбья, несчастья и разнообразные нужды и неразлучны с нашей жизнью на земле, однако же Господь Бог не хотел и не хочет, чтобы мы были только в одних скорбях и напастях, почему и заповедает нам через апостолов носить тяготы друг друга и тем исполнить закон Христов. Господь Иисус лично дает нам заповедь, чтобы мы любили друг

друга и, соутешаясь этой взаимной любовью, облегчали себе прискорбный и тесный путь нашего шествования к Отчеству Небесному. Для чего же Он и с небес сошел к нам, как не для того, чтобы, восприв на Себя нашу нищету, обогатить нас богатством благости Своей и Своих неизреченных щедрот. Ведь пришел Он не для того, чтобы послужили Ему, но да послужит Сам другим и да даст душу Свою за избавление многих. Так и вы, ваше Боголюбие, творите и, видевши явно оказанную вам милость Божию, сообщайте о том всякому желающему себе спасения. *Жатвы бо много, – говорит Господь, – делателей же*

мало. Вот и нас Господь Бог извел на делание и дал дары благодати Своей, чтобы, пожиная класы спасения наших ближних через множайшее число приведенных нами в Царствие Божие, принесли Ему плоды – ово тридесят, ово шестьдесят, ово же сто. Будем же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть нам осужденным с тем лукавым и ленивым рабом, который закопал свой талант в землю, а будем стараться подражать тем благим и верным рабам Господа, которые принесли Господину своему: один вместо двух – четыре, другой вместо пяти – десять. О милосердии же Господа Бога сомневаться нечего: сами, ваше

Боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные через пророка, сбылись на нас. *Несмы Аз Бог издалуче, но Бог изблужи и при устех твоих есть спасение твое.* Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть Его благостыню во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не велехваляся говорю я это и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин, нет, ваше Боголюбие, нет! *Близ Господь всем призывающим Его*

во истине, и несть у Него зрениа на лица, Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его, – лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего Небесного, истинно по-сыновнему. Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в Него веру, хотя бы яко зерно горушно, и оба двинута горы. Един движет тысящи, два же тьмы. Сам Господь говорит: *Вся возможна верующему*, а батюшка святой апостол Павел велегласно восклицает: *Вся могу о укрепляющем мя Христе*. Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит

о верующих в Него: *Веруяй в Мя дела не точию Аз творю, но и больша сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю Его о вас, да радость ваша исполнена будет. Доселе не просите ничесоже во Имя Мое, ныне же просите и примете...* Так-то, ваше Боголюбие, все, о чем бы вы ни попросили у Господа Бога, все воспримете, лишь бы только то было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: *Вся, единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе.* Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших

прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его: благ Господь всяческим, щедрит же и дает и не призывающим имени Его, и щедроты Его во всех делах Его, волю же боящихся Его сотворит, и молитву их услышит, и весь совет их исполнит, исполнит Господь вся прошения

твоя. Одного опасайтесь, ваше Боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру во Христа Спасителя, ибо не предаст Господь жезла праведных на жребий грешных и волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно, однако взыщет с него, зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него того, без чего мог бы весьма удобно обойтись.

Так-то, ваше Боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Божия Матерь через меня, убогого Серафима, вам сказать и показать соблаговолили. Грядите

же с миром. Господь и Божия Матерь с вами да будут всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром!..

И во все время беседы этой с того самого времени, как лицо о. Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягою».

На этом месте заканчивается мотовиловская рукопись. Глубину значения этого акта торжества

Православия не моему перу стать выяснять и подчеркивать, да он и не требует свидетельства о себе, ибо сам о себе свидетельствует с такой несокрушимой силой, что его значения не умалить суесловиям мира сего.

Но если бы кто мог видеть, в каком виде достались мне бумаги Мотовилова, хранившие в своих тайниках это драгоценное свидетельство богоугодного жития святого старца! Пыль, галочки и голубиные перья, птичий помет, обрывки совсем неинтересных счетов, бухгалтерские, сельскохозяйственные выписки, копии с прошений, письма

сторонних лиц – все в одной куче, вперемешку одно с другим, и всего весу 4 пуда 25 фунтов. Все бумаги ветхие, исписанные беглым и до такой степени неразборчивым почерком, что я просто в ужас пришел: где тут разобраться?

Разбирая этот хаос, натываясь на всевозможные препятствия – особенно почерк был для меня камнем преткновения – я, помню, чуть не поддался отчаянию. А тут, среди всей этой макулатуры, нет-нет и блеснет искоркой во тьме с трудом разобранный фразой: «Батюшка о. Серафим говорил мне...» Что говорил? Что скрывают в себе эти неразгаданные иероглифы? Я

приходил в отчаяние.

Помню, под вечер целого дня упорного и бесплодного труда я не вытерпел и взмолился: «Батюшка Серафим! Неужели же для того ты дал мне возможность получить рукописи твоего «служки» из такой дали, как Дивеев, чтобы неразобранными возвратить их забвению?» От души, должно быть, было мое восклицание. Наутро, взявшись за разбор бумаг, я сразу нашел эту рукопись и тут же получил способность разбирать мотовиловский почерк. Нетрудно представить себе мою радость, и как знаменательными мне показались слова этой рукописи: «А я мню, —

отвечал мне о. Серафим, – что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти, ибо иначе благодать Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что *и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира...»*

Сергей Нилус [8]

**Великая Дивеевская
тайна**

Об участи верных христиан

*(Записано Мотовиловым в ночь
с 26-го на 27-ое октября 1844 года)*

Однажды я был в великой скорби, помышляя, что будет с нашей Православной Церковью, если современное нам зло все более и более будет размножаться, и, будучи убежден, что Церковь наша в крайнем бедствии как от преумножающегося разврата по плоти, так равно, если только не многим более, от нечестия по духу чрез рассеваемые повсюду новейшими лжемудрователями

безбожные толки, я весьма желал знать, что мне скажет о том батюшка Серафим.

Распространившись подробно беседою о св. пророке Илии, он сказал мне на вопрос мой, между прочим, следующее:

«Илия Фесвитянин, жалуясь Господу на Израиля, будто он весь преклонил колена Ваалу, говорил в молитве, что уж только один он, Илия, остался верен Господу, но уже и его душу ищут изъять... Так что же, батюшка, отвечал ему на это Господь? – «Седьмь тысяч мужей оставих во Израили, иже не преклониша колен Ваалу». – Так если во Израильском царстве,

отпадшем от Иудейского верного Богу царства и пришедшем в совершенное развращение, оставалось еще семь тысяч мужей, верных Господу, то что скажем о России? Мню я, что в Израильском царстве было тогда не более трех миллионов людей. А у нас, батюшка, в России сколько теперь?»

Я отвечал: «Около 60 миллионов». И он продолжал:

«В двадцать раз больше. Суди же сам, сколько теперь у нас еще обретается верных Богу! Так-то, батюшка, так-то: ихже предуведе, сих и предызбра, сих и предустави; ихже предустави, сих и блюдет, сих и прославит. Так о чем же унывать-то

нам!.. С нами Бог! Надеющийся на Господа, яко гора Сион, и Господь окрест людей Своих... Господь сохранит вхождение твое и исхождение твое отныне и до века, во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию».

И когда я спросил его, что значит это, к чему говорит он мне о том:

«К тому, – отвечивал батюшка о. Серафим, – что таким-то образом хранит Господь, яко зеницу ока Своего, людей Своих, то есть православных христиан, любящих Его и всем сердцем, и всею мыслию, и словом, и делом, день и ночь служащих Ему. А таковы – хранящие

всецело все уставы, догматы и предания нашей Восточной Церкви Вселенской и устнами исповедающие благочестие, ею преданное, и на деле во всех случаях жизни творящие по святым заповедям Господа нашего Иисуса Христа».

В подтверждение же того, что еще много на земле Русской осталось верных Господу нашему Иисусу Христу, православно и благочестно живущих, батюшка о. Серафим сказал некогда одному знакомому моему – то ли о. Гурию, бывшему гостиннику Саровскому, то ли о. Симеону, хозяину Масличенского двора, – что однажды, быв в духе,

видел он всю землю Русскую, и была она исполнена и как бы покрыта дымом молитв верующих, молящихся ко Господу...

В одной из бесед своих с Мотовиловым прп. Серафим, говоря о духовном состоянии последних христиан, оставшихся верными Богу пред концом мира, поведал нечто весьма важное на подкрепу остатку исповедников Христовых:

«И во дни той великой скорби, о коей сказано, что не спаслась бы никакая плоть, если бы, избранных ради, не сократились оные дни, в те дни остатку верных предстоит испытать на себе нечто подобное тому, что было испытано некогда

Самим Господом, когда Он, на Кресте вися, будучи совершенным Человеком, почувствовал Себя Своим Божеством настолько оставленным, что возопил к Нему: *Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?* – Подобное же оставление человечества благодатию Божиею должны испытать на себе и последние христиане, но только лишь на самое краткое время, по миновании коего не умедлит вслед явиться Господь во всей славе Своей и вси святии Ангели с Ним. И тогда совершится во всей полноте все от века предопределенное в Предвечном Совете».

Великая Дивеевская тайна

*8-я глава книги «На берегу
Божьей реки»*

Поведаю теперь то, что я хранил доселе в сердечной памяти своей и чему, думается мне, еще не выходили Божьи сроки. Если не обманывает меня внутреннее извещение-предчувствие, сроки эти исполнились, и настало время явить миру верующих и неверующих сокровенный доныне и мною скрываемый умный бисер, подобно которого мир еще не ведал со дней греческого императора Феодосия

Юнейшего. Воскрешение Лазаря известно каждому христианину. О воскресении же семи отроков знают весьма немногие и потому, прежде объявления великой Серафимовой тайны (назову ее «Дивеевской» – по месту ее обретения), я вкратце сообщу неосведомленным сказание о семи отроках.

Эти семь благородных отроков: Максимилиан, Ексакустодиан, Иамвлих, Мартиниан, Дионисий, Иоанн и Антонин, – связанные между собою одинаковою воинскою службою, тесною дружбою и верою, во время Декиева гонения на Ефесских христиан (около 250-го года) скрылись в горной пещере,

называемой Охлон, близ города Ефеса в Малой Азии. В пещере этой они проводили время в посте и молитвах, приготавливаясь к мученическому подвигу за Христа. Узнав о местопребывании юношей, Декий велел завалить вход в пещеру камнями, чтобы предать исповедников голодной смерти.

По истечении 170-ти лет, в царствование Феодосия Младшего (408—450 года), истинного защитника веры, вход в пещеру был открыт, и блаженные юноши восстали, но не для мучений, а для посрамления неверующих, отвергавших истину воскресения мертвых. По извещении об этом великом чуде царь Феодосии

прибыл с сановниками своими и со множеством народа из Константинополя в Ефес, где обрел юношей этих еще в живых и поклонился им как дивному свидетельству свыше о будущем всеобщем воскресении.

По свидетельству церковного историка Никифора Каллиста, царь был в общении с ними семь дней, беседовал с ними и сам прислуживал им во время трапезы. По прошествии тех дней юноши вновь уснули сном смерти уже до Страшного Суда Господня и всеобщего воскресения. Святые мощи их прославлены многими чудесами.

Сказание это, независимо от

церковного предания, имеет свидетельство и исторической своей достоверности. Святой Иоанн Колов, современник этого события, говорит о нем в житии прп. Паисия Великого (19 июня). Марониты-сирийцы, отколовшиеся в VII веке от Православной Церкви, чтут в своей службе святых отроков. Они находятся в эфиопском календаре и в древних римских мартирологах. История их известна была Магомету и многим арабским писателям. Григорий Турский говорит, что эти мужи до сего дня почивают в том самом месте, одетые в шелковые и тонкие полотняные одежды. Пещера отроков доныне показывается близ

Ефеса в ребрах горы Приона. Судьба их мощей неизвестна с XII века, в начале которого игумен Даниил видел их еще в пещере. По вере моей, чудом прп. Серафима спасенный в 1902 году от смерти, я в начале лета того же года ездил в Саров и Дивеев благодарить преподобного за свое спасение и там, в Дивееве, с благословения великой дивеевской старицы игумении Марии и по желанию Елены Ивановны Мотовиловой, я получил большой короб всякого рода бумаг, оставшихся после смерти Николая Александровича Мотовилова, с разными записями собственной руки его, и в этих-то записях я и обрел то

бесценное сокровище, тот «умный бисер», который я называю Дивеевской Тайной – тайной прп. Серафима Саровского и всея России Чудотворца.

Передаю обретенное словами записи:

«Великий старец батюшка Серафим, – так пишет Мотовилов, – говоря со мной о своей плоти (он плоти своей никогда мощами не называл), часто поминал имена благочестивейшего государя Николая, августейшей супруги его Александры Феодоровны и матери, вдовствующей императрицы Марии Феодоровны. Вспоминая государя Николая, он говорил: «Он в душе

христианин».

Из разных записок – частью в тетрадях, частью на клочках бумаги – можно было предположить, что Мотовиловым была приложена немалая энергия к тому, чтобы прославление преподобного было совершено еще в царствование Николая I, при супруге его Александре Феодоровне и матери Марии Феодоровне. И велико было его разочарование, когда его усилия не увенчались успехом вопреки, как могло тому казаться, предсказаниям Божьего угодника, связавшего прославление свое с указанным сочетанием августейших имен.

Умер Мотовилов в 1879 году, не

дождавшись оправдания своей веры.

Могло ли ему или кому-либо другому прийти в голову, что через 48 лет после смерти Николая I на престоле Всероссийском в точности повторятся те же имена: Николая, Александры Феодоровны, Марии Феодоровны, – при которых и состоится столь желаемое и предсказанное Мотовилову прославление великого прозорливца прп. Серафима?

В другом месте записок Мотовилова обретена была мною и следующая **ВЕЛИКАЯ ДИВЕЕВСКАЯ ТАЙНА:**

«Неоднократно, – так пишет Мотовилов, – слышал я из уст

великого угодника Божия, старца о. Серафима, что он плотью своею в Сарове лежать не будет. И вот однажды осмелился я спросить его:

– Вот вы, батюшка, все говорить изволите, что плотию вашею вы в Сарове лежать не будете. Так нешто вас Саровские отдадут?

На сие батюшка, приятно улыбнувшись и взглянув на меня, изволил мне ответить так:

– Ах, ваше Боголюбие, ваше Боголюбие, как вы! Уж на что царь Петр-то был царь из царей, а пожелал мощи св. благоверного князя Александра Невского перенести из Владимира в Петербург, а святые мощи того не

похотели.

– Как не похотели? – осмелился я возразить великому старцу. – Как не похотели, когда они в Петербурге в Александро-Невской Лавре почивают?

– В Александро-Невской Лавре, говорите вы? Как же это так? Во Владимире они почивали при вскрытии, а в Лавре под спудом – почему же так? А потому, – сказал батюшка, – что их там нет. – И много распространившись по сему поводу своими Богоглаголивыми устами, батюшка Серафим поведал мне следующее:

– Мне, ваше Боголюбие, убогому Серафиму, от Господа Бога

положено жить гораздо более ста лет. Но так как к тому времени архиереи так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что главнейшему догмату веры Христовой и веровать уже не будут, то Господу Богу благоугодно взять меня, убогого Серафима, до времени от сея привременной жизни и посему воскресить, и воскресение мое будет, аки воскресение седми отроков в пещере Охлонской во дни Феодосия Юнейшего.

«Открыв мне, — пишет далее Мотовилов, — сию великую и страшную тайну, великий старец

поведал мне, что, по воскресении своем, он из Сарова перейдет в Дивеев и там откроет проповедь всемирного покаяния. На проповедь же ту, паче же на чудо воскресения соберется народу великое множество со всех концов земли, Дивеев станет Лаврой, Вертьяново – городом, а Арзамас – губернией. И, проповедуя в Дивееве покаяние, батюшка Серафим откроет в нем четверо мощей и, по открытии их, сам между ними ляжет. И тогда вскоре настанет и конец всему».

Такова великая Дивеевская благочестия тайна, открытая мною в собственноручных записях симбирского совестного судьи

Николая Александровича Мотовилова, сотаинника великого прозорливца, чина пророческого – преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского и всея России Чудотворца.

В дополнение же к тайне этой, вот что я слышал из уст 84-летней дивеевской игумении Марии. Был я у нее в начале августа 1903 года, вслед за прославлением прп. Серафима и отъездом из Дивеева царской семьи. Поздравляю с оправданием великой ее веры (матушка, построив Дивеевский собор, с 1880 года не освящала его левого придела, веруя, согласно дивеевским преданиям, что доживет до прославления Серафима

и освятит придел в святое его имя);
поздравляю ее, а она мне говорит:

– Да, мой батюшка, Сергей Александрович, велие это чудо. Но вот будет чудо так чудо. Это когда крестный-то ход, что теперь шел из Дивеева в Саров, пойдет из Сарова в Дивеев, а народу-то, как говаривал наш угодничек-то Божий прп. Серафим, что колосьев будет в поле. Вот то-то будет чудо-чудное, диво-дивное.

– Как это понимать, матушка? – спросил я, на ту пору совершенно забыв тогда уже мне известную великую Дивеевскую тайну о воскресении преподобного.

– А это – кто доживет, тот

увидит, – ответила мне игумения Мария, пристально на меня взглянув и улыбнувшись.

Это было мое последнее на земле свидание с великой носительницей дивеевских преданий, той 12-ой начальницей, «Ушаковой родом», на которой, по предсказанию прп. Серафима, и устроился с лишним 30 лет после его кончины Дивеевский монастырь, будущая женская Лавра.

Через год после этого свидания игумения Мария скончалась о Господе.

Предсказание преподобного Серафима о возрождении России

*(Запись графини Натальи
Владимировны Урусовой)*

«Я знаю о пророчестве прп.
Серафима о падении и
восстановлении России; я лично это
знаю. Когда в начале 1918 года горел
Ярославль и я бежала с детьми в
Сергиев Посад, то там
познакомилась с графом
Олсуфьевым, еще сравнительно

молодым. Он для спасения каких-то документов, должных быть уничтоженными дьявольской силой большевизма, сумел устроиться при библиотеке Троице-Сергиевой Академии. Вскоре он был расстрелян. Он принес мне однажды для прочтения письмо со словами: «Это я храню как зеницу ока». Письмо, пожелтелое от времени, с сильно полинявшими чернилами, было написано собственноручно св. прп. Серафимом Саровским – Мотовилову. В письме было предсказание о тех ужасах и бедствиях, которые постигнут Россию, и помню только, что было в нем сказано и о помиловании и

спасении России. Года я не могу вспомнить, так как прошло 28 лет, и память мне может изменить, да и каюсь, что не прочла с должным вниманием, так как год указывался отдаленно, а спасения хотелось и избавления немедленно, еще с самого начала революции, и думается, что это был 1947 г., во всяком случае, в последних годах XX столетия. Простить себе не могу, что не списала копию с письма, но голова была так занята и мозги так уставали в поисках насущных потребностей для детей, что этим только успокаиваю и оправдываю свою недалёковидность... Письмо помню хорошо».

Торжество 19 июля 1903 года

29 января 1903 года Святейший Синод Российской Православной Церкви вынес свое решение: «Благоговейного старца Серафима, почивающего в Саровской пустыни, признать в лике святых, благодатию Божией прославленных, а всечестные останки его — святыми мощами». Этим, собственно, актом и начинаются дни подготовительные к торжеству открытия мощей, совершить которое было поручено митрополиту Петербургскому Антонию, с сонмом особо

назначенного духовенства.

Митрополит Петербургский Антоний прибыл в Саров к 3-му июля, и в этот день гроб с останками прп. Серафима был перенесен с места его упокоения в больничную церковь прпп. Зосимы и Савватия, в алтаре которой и предположено было совершить омовение честных мощей о. Серафима. Надо заметить, что это перенесение не ускользнуло от взора скопившихся уже в Сарове богомольцев и произвело на всех глубокое впечатление. Гроб был установлен посредине храма. Митрополит Антоний, по неотступной просьбе усердствующих паломников, благословил допускать

на некоторое время народ ко гробу преподобного. Затем гроб был внесен через северные двери в алтарь, и здесь было совершено омовение и переложение мощей в новый кипарисовый гроб. Участие в омовении принимали: архимандрит Серафим (Чичагов), ключарь Тамбовского кафедрального собора священник Т. Поспелов, иеромонах Саровский, благочинный монастыря, под личным руководством митрополита Антония и в присутствии князя Ширинского-Шихматова и князя М. С. Путятина.

Присутствовавшие при открытии крышки гроба свидетельствуют, что честные мощи

преподобного были завернуты в момент погребения в монашескую мантию, а на голове его возложен был войлочный куколь. Отец Серафим лежал в гробу на дубовых стружках, отчего все содержимое в гробу, ввиду дубильных свойств, и самые честные мощи, и седые волосы на голове, бороде и усах, и все одеяние преподобного: белье, холщовый подрясник, мантия, епитрахиль и куколь, — все окрасилось в один цвет, напоминающий корку черного ржаного хлеба...

Известно также, что с самого начала омовения честных мощей в алтаре стало распространяться ясно

ощутимое всеми присутствующими благоухание, запах цветов гвоздики и свежего липового меда.

Июльский день был ясный, солнечный, жаркий, и церковные окна были открыты настежь. Думалось, что где-нибудь поблизости косят траву и этот аромат производится скошенными цветами и свежим сеном. А владыка-митрополит, проходя по церкви, обратился к присутствующим даже с такими словами: «Братие, а какое же это у вас мыло, что-то уж очень душистое?» Но оказалось, мыло было то самое, которое привез для целей омовения ключарь Тамбовского собора и то самое, которое в России

называлось «грецким» и употреблялось для освящения престолов при освящении храмов. Тогда владыка-митрополит осенил себя крестным знамением и всем присутствующим стало ясно, какое благоухание разливалось по церкви.

После переложения святых мощей прп. Серафима в новую гробницу митрополит Антоний на некоторое время отбыл из Сарова. За время его отсутствия заканчивались все строительные и разные другие работы. Для богомольцев были выстроены вне стен обители целые корпуса и лавки для продажи съестных припасов.

Чрезвычайно пеструю и

живописную картину представляли все эти богомольцы, пришедшие насладиться духовным торжеством. Здесь собрались представители всей нашей матушки России. А какое множество людей собралось сюда в надежде на благодатную помощь и исцеление. Пишущий эти строки не раз видел случаи чудесного исцеления по молитвам к о. Серафиму.

Саров в эти дни жил напряженной жизнью. Всюду крестные ходы, ежедневные богослужения, непрерывные панихиды, молебны, люди говели, исповедовались, приобщались. А 17-го июля распространилось известие

о скором прибытии в Саров Государя. Тысячи богомольцев расположились по пути царского следования плотною стеною. Взоры всех устремлены на величественный Саровский лес, откуда прежде всего должны показаться экипажи с августейшими путниками. Около 5-ти часов вечера начался трезвон во все колокола, а через полчаса могучее «ура» многотысячной толпы народа огласило окрестности. Приехал государь и тотчас же проследовал в собор и в церковь прпп. Зосимы и Савватия, чтобы поклониться честным останкам преподобного, а на следующий день он исповедовался и приобщался

Святых Тайн.

Торжество прославления началось 18-го июля в 6 часов вечера благовестом в большой колокол, созывающим богомольцев ко всенощному бдению, на котором прп. Серафим впервые стал ублажаться в лике святых.

Владыка-митрополит со славою проследовал в Успенский собор, за ним вскоре вошли туда их императорские величества и встали около правого клироса. Богослужение отправлялось уже по вновь составленной службе прп. Серафиму Саровскому. Начинается лития... Все зажигают свечи, и крестный ход направляется к церкви

прпп. Зосимы и Савватия за святыми мощами прп. Серафима. Гроб устанавливается на носилках и поднимается высоко над головами всех. Момент трогательный и незабываемый. Плавно, благоговейно входит крестный ход в Успенский собор... Всенощная продолжается, и при пении *Хвалите имя Господне* все служащие исходят на середину храма. Подносят государю и митрополиту на особом блюде ключи от крышки гроба. Слышится три мелодичных звонка, крышка гробницы открыта, все преклоняют колена, и неудержимый порыв молитвенного восторга слышится в могучем пении первого величания

прп. Серафиму...

Это была всенощная духовного восторга, умиления и ощущения особой милости Божией к людям.

Богомольцы всю ночь подходили потом к гробу, прикладывались ко святым мощам, при этом было несколько случаев исцелений.

На следующий день, 19-го июля, поздняя литургия началась в Успенском соборе, в 8 часов утра. На малом входе, при пении: *Приидите, поклонимся* архимандриты подняли гроб со середины храма, обнесли его вокруг святого престола, а затем положили в уготованную раку. Когда же кончилась литургия, из собора

последовал крестный ход. Гроб со святыми мощами несли государь император и их высочества. Народ так же, как и накануне, живою стеною стоявший по пути крестного хода, был охвачен сильным религиозным воодушевлением. Плач и рыдания раздавались повсюду... Саров в своем молитвенном торжестве наслаждался во всей полноте и принимал Духа Радости, Духа Страха Божия...

В этот же день вся Россия, весь русский народ, молитвенно был в Сарове, волны горячей молитвы верующих людей насытили Саровскую пустынь, Саровские леса благодатным утешением и радостью,

которые составляли при жизни и после смерти о. Серафима самое существо его подвига. Прошло 35 лет. Много горя и лишений вынес на своем пути русский народ, но заветы о. Серафима освещают эти скорбные пути верующего человека, не дают ему пасть. Недаром к стенам св. Саровской обители приходят там, в России, и сейчас верующие люди, плачут там и получают утешение, недаром и здесь, в изгнании сущие, ублажают его святую память.

...

Протоирей

*Д. Троицкий. (К 35-летию
открытия мощей прп.
Серафима Саровского.
Париж, 1938 г.)*

Краткое МОЛИТВЕННОЕ правило преподобного Серафима

Преподобный Саровский Серафим преподавал всем следующее молитвенное правило: «Вставши от сна, всякий христианин, став пред святыми иконами, пусть прочитает молитву Господню *Отче наш* трижды, в честь Пресвятой Троицы, потом песнь Богородице *Богородице Лево, радуйся* также

трижды и, наконец Символ Веры единожды. Совершив это правило, пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы дома или в пути куда-нибудь пусть тихо читает *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного или грешную*, а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только *Господи, помилуй* и продолжает до обеда. Перед самым же обедом пусть совершает вышеуказанное утреннее правило. После обеда, исполняя свое дело, читает тихо *Пресвятая Богородице, спаси мя грешного или же Господи Иисусе Христе,*

Богородицею помилуй мя грешного или грешную, и это пусть продолжает до самого сна.

Отходя ко сну, всякий христианин пусть снова прочитает вышеуказанное утреннее правило; после того пусть засыпает, оградив себя крестным знамением». «Держась этого правила, – говорит о. Серафим, – можно достигнуть меры христианского совершенства, ибо означенные три молитвы – основание христианства: первая как молитва, данная Самим Господом, есть образец всех молитв; вторая принесена с неба Архангелом в приветствие Деве Марии, Матери Господа; Символ же вкратце

содержит в себе спасительные догматы христианской веры». Тем, кому по разным обстоятельствам невозможно выполнять и этого малого правила, прп. Серафим советовал читать его во всяком положении: и во время занятий, и на ходьбе, и даже в постели, представляя основанием для того слова Святого Писания: *Всякий, кто призовет имя Господне, спасется.*

Наставления преподобного Серафима

О свете Христовом

Дабы принять и ощутить в сердце своем свет Христов надобно, сколько можно, отвлечь себя от видимых предметов. Предочистив душу покаянием и добрыми делами, при искренней вере в Распятого, закрыв телесные очи, должно погрузить ум внутрь сердца и вопиять, непрестанно призывая имя Господа нашего Иисуса Христа. Тогда, по мере усердия и горячности духа к возлюбленному, человек в призываемом имени находит услаждение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения.

Когда ум с таким упражнением долго пребудет, укоснит сердце, тогда воссияет свет Христов, освещающая храмину души божественным сиянием, как говорит от лица Бога св. пророк Малахия: *И возсияет вам, боящимся имени Моего, Солнце правды* (Мал. 4, 2). Сей свет есть купно и жизнь, по Евангельскому слову: *В Том живот бе, и живот бе свет человеком* (Ин. 1, 4) [1, с. 446–447].

О покаянии

Желающему спастися всегда должно иметь сердце, расположенное к покаянию и сокрушенное: *Жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). В таком сокрушении духа человек с легкостью может безбедно проходить хитрые козни диавола, коего все силы направлены к тому, чтобы возмутить дух человека и в возмущении посеять свои плевелы, по словеси Евангельскому: *Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе твоем?.. Он же рече им: враг человек сие сотвори* (Мф. 13, 27–28).

Когда же человек старается иметь сердце смиренное и мысль сохранить в мире, тогда все козни врагии бывают бездейственны; ибо где мир помыслов, там почивает Сам Бог: *В мире, — сказано, — место Его* (Пс. 75, 3).

Начало покаяния зарождается от страха Божия и внимания к себе, как говорит св. мученик Вонифатий (Чет. Мин., дек. 19): страх Божий есть отец внимания, а внимание — мать внутреннего покоя. Страх Господень пробуждает спящую совесть, которая делает то, что душа, как в некоей воде чистой и невозмущенной, видит свою некрасивость, и так рождаются

начатки и разрастаются корни покаяния.

Мы всю жизнь грехопадениями своими оскорбляем величество Божие; а потому и должны всегда со смирением просить у Господа оставления долгов наших.

Можно ли облагодатствованному человеку по падении восстать чрез покаяние?

Можно, по псаломнику: *Превратихся пасти, и Господь прият мя* (Пс. 117, 13). Когда св. пророк Нафан обличил Давида в грехе его, то он, покаявшись, тут же получил прощение.

К сему примером служит и один пустынный, который, пошедши за

водой, при источнике пал в грех. Но, возвратившись в келию, он сознал свое согрешение, и паки начал проводить жизнь подвижническую, как прежде. Враг смущал его, представляя ему тяжесть греха, отрицая возможность прощения и стараясь отвлечь его от подвижнической жизни. Но воин Христов устоял на своем пути. О сем случае Бог открыл некоему блаженному отцу и велел брата, падшего в грех, ублажить за таковую победу над диаволом.

Когда мы искренно каемся во грехах наших и обращаемся ко Господу нашему Иисусу Христу всем сердцем нашим. Он радуется нам,

учреждает праздник и созывает на него любезные Ему Силы, показывая им драхму, которую Он обрел паки, то есть царский образ Свой и подобие. Возложив на рамена заблудшую овцу, Он приводит ее ко Отцу Своему. В жилище всех веселящихся Бог водворяет и душу покаявшагося вместе с теми, которые не отбежали от Него.

Итак, не вознерадим обращаться к благоутробному Владыке нашему скоро и не предадимся беспечности и отчаянию ради тяжких и бесчисленных грехов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость диаволу. Оно есть грех к смерти, как гласит Писание (1 Ин. 5:

16; Антиох, слово 77). «Аще не предашься унынию и нерадению, говорит Варсонофий, то имаши почудитися и прославити Бога, как Он применяет тя от еже небытии во еже бытии» (т. е. из грешника в праведника, ответ 114).

Покаяние во грехе, между прочим, состоит в том, чтобы не делать его опять.

Как всякой болезни есть врачевание, так и всякому греху есть покаяние.

Итак, несомненно, приступай к покаянию, и оно будет ходатайствовать за тебя пред Богом. Непрестанно твори сию молитву прп. Антиоха:

*Дерзая, Владыко, на
бездну благоутробия
Твоего, приношу Тебе от
скверных уст и нечистых
устен молитву сию:
помяни, яко призвася на мне
имя святое Твое, и искупил
мя еси ценою крове Твоея,
яко запечатлел мя еси
обручением Святаго Духа
Твоего, и возвел мя еси от
глубины беззаконий моих;
да не похитит мя враг.
Иисусе Христе, заступи мя
и буди ми помощник
крепкий во брани, яко раб*

есмь похоти и воюем от
нея. Но Ты, Господи, не
остави мя на земли
повержена во осуждении
дел моих: свободи мя,
Владыко, лукавого рабства
миродержителя и усвой мя
в заповедях Твоих. Путь
жизнот моего, Христе
мой, и свет очей моих —
лице Твое. Боже, Владыко и
Господи, возношения очей
моих не даждь ми, и
похоть злую отстави от
мене; заступи мя рукою
Твоею святою. Пожелания
и похотствования да не
объимут мя, и душе

бесстыдней не предаждь
мене. Просвети во мне
свет лица Твоего, Господи,
да не обымет мене тьма, и
ходящие в ней да не
похитят мя. Не предаждь,
Господи, зверем невидимым
душу исповедующуюся
Тебе. Не попусти, Господи,
уязвиться рабу Твоему от
псов чуждых. Приятелище
Святого Духа Твоего быти
мя сподоби, и дом Христа
Твоего, Отче Святой,
созижди мя. Предводителю
заблудших,
путеводительствуй мя, да
не уклонюся в шуяя. Лице

Твое, Господи, видети
вождедох. Боже, светом
лица Твоего путеводи мя.
Источник слез даруй ми,
рабу Твоему, и росу
Святаго Духа даждь
созданию Твоему, да не
иссохну яко смоковница,
юже Ты проклял еси: и да
будут слезы пишем моим,
и молитва моя пищею.
Обрати, Господи, плачь
мой в радость мне, и
приими мя в вечныя Твоя
скинии. Да постигнет мя
милость Твоя, Господи, и
щедроты Твоя да объимут
мя, и отпусти вся грехи

моя. Ты бо еси Бог истинный, отпущаяй беззакония. И не попусти, Господи, посрамиться делу рук Твоих по множеству беззаконий моих, но воззови мя, Владыко, единокровным Твоим Сыном, Спасителем нашим. И воздвигни мя лежащего, яко Левия мытаря, и оживотвори мя грехами умерщвленного, яко сына вдовицы. Ты бо един еси воскресение мертвых, и Тебе слава подобает во веки. Аминь.

(Антиох, слово 77). [2, с. 127–130.]

О жизни деятельной и умозрительной

Человек состоит из тела и души, а потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных — из деяния и умосозерцания.

Путь деятельной жизни составляют пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который, по слову Божию, вводит в живот вечный (Мф. 7: 14).

Путь умосозерцательной жизни

состоит в возношении ума ко Господу Богу, в сердечном внимании, умной молитве и созерцании чрез таковые упражнения вещей духовных.

Всякому, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать от деятельной жизни, а потом уже приходить и в умосозерцательную, ибо без деятельной жизни в умосозерцательную прийти невозможно.

Деятельная жизнь служит к очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства; а тем самым пролагает нам путь к умосозерцательной жизни. Ибо одни

только очистившиеся от страстей и совершенные к оной жизни приступать могут, как сие видеть можно из слов Священного Писания: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5: 8), и из слов св. Григория Богослова (в Слове на св. Пасху); к созерцанию безопасно могут приступать только совершеннейшие по своей опытности.

К умозрительной жизни приступать должно со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием святых Писаний и, если можно найти, под руководством какого-либо искусного старца, а не с

дерзостью и самочинием: дерзый бо и презорливый, по словам Григория Синаита (О прелести и иных многих предлогах. Добротолубие, часть 1, л. 95), паче достоинства своего, взыскав с кипением, понуждается до того прежде времени dospети. И паки: аще мечтається кто мнением высокая достигнута, желание сатанино, а не истину стяжав, сего диавол своими мрежами удобь уловляет, яко своего слугу.

Если же не можно найти наставника, могущего руководствовать к умосозерцательной жизни, то в таком случае должно руководствоваться Священным

Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Священного Писания, глаголя: *испытайте Писания, яко вы мните имети в них живот вечный* (Ин. 5: 39).

Также должно тщиться прочитывать отеческие писания и стараться, сколько можно, по силе исполнять то, чему научают оные, и таким образом, мало-помалу, от деятельной жизни восходить к совершенству умосозерцательной.

Ибо, по словам св. Григория Богослова (Слово на святую Пасху), самое лучшее дело, когда мы каждый сам собою достигаем совершенства и приносим призывающему нас Богу

жертву живую, святую и всегда во всем освящаемую.

Не должно оставлять деятельную жизнь и тогда, когда бы в ней человек имел преспеяние и пришел бы уже в умосозерцательную, ибо она содействует умосозерцательной жизни и ее возвышает.

Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабевать и оставлять оного потому, что люди, прилепившиеся ко внешности и чувственности, поражают нас противностью своих мнений в самое чувство сердечное и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути,

поставляя нам на оном различные препятствия, ибо, по мнению учителей церковных (Феодорит. Толкование на Песнь песней), умосозерцание вещей духовных предпочитается познанию вещей чувственных.

А потому никакими противностями в прохождении сего пути колебаться не должно, утверждаясь в сем случае на слове Божию: *страха же их неубоимся, ниже смутимся: яко с нами Бог. Господа Бога нашего освятим в сердечной памяти Его Божественного имене и исполнения воли Его, и Той будет нам в страх* (Ис. 8:12–13). [1, с. 457–

458.]

Акафист преподобному Серафиму, Саровскому чудотворцу

Кондак 1

Избранный чудотворче и
предивный угодниче Христов,
скорый помощниче и молитвенниче
наш, преподобне отче Серафиме!
Величающе прославлышаго тя
Господа, воспеваем ти похвальная.
Ты же имеяй велие дерзновение ко
Господу, от всяких нас бед свободи

зовущих: Радуйся, преподобие
Серафиме, Саровский чудотворче.

Икос 1

Ангелов Творец избра ты
изначала, да прославиши житием
твоим пречудное имя Святыя
Троицы: явился бо еси воистинну
ангел на земли и во плоти Серафим:
яко луч пресветлый вечнаго Солнца
Правды, просветися житие твое. Мы
же, зряще прехвальныя труды твоя, с
благоговением и радостию глаголем
ти сицевая:

Радуйся, правило веры и
благочестия.

Радуйся, образе кротости и
смирения.

Радуйся, преславное верных

величание.

Радуйся, претихое скорбным
утешение.

Радуйся, прелюбимое иноков
похваление.

Радуйся, живущим в мире
предивное поможение.

Радуйся, Российския державы
славо и ограждение.

Радуйся, Тамбовския страны
священное украшение.

Радуйся, преподобне Серафиме,
Саровский чудотворче.

Кондак 2

Видящи мати твоя, преподобне
отче Серафиме, теплую любовь твою
ко иноческому житию, позна святую
волю Господню о тебе, и Богу яко

благочестивых отрасль пречестная.

Радуйся, добродетели матери
своея унаследивый.

Радуйся, благочестию и молитве
ею наученный.

Радуйся, на подвиги от матери
крестом благословенный.

Радуйся, благословение сие яко
святыню до смерти соблюдый.

Радуйся, любви ради Господа
дом отеческий оставивый.

Радуйся, вся красная мира сего
ни во чтоже вменивый

Радуйся, преподобне Серафиме,
Саровский чудотворче.

Кондак 3

Сила Вышняго от юности твоя
воистинну храняше тя, преподобне: с

высоты бо храма спадша сохрани тя
Господь неврежденна, и страждущу
ти люте Сама Владычица мира явися,
с небес исцеление принесши, зане
измлада верно служил еси Богу, выну
взывая Ему: Аллилуиа.

Икос 3

Имея тщание о подвизе
иноческаго равноангельнаго жития,
во град святой Киев поклонения
ради преподобным Печерским
притекл еси, и от уст преподобнаго
Досифея повеление приим в
пустыню Саровскую путь свой
управити, верою издалеча облобызал
еси место святое сие, и тамо
вселився житие твое богоугодное
скончал еси. Мы же, дивящися

таковому о тебе Божию
промышлению, со умилением
вопием ти:

Радуйся, мирския суеты
отрешивыйся.

Радуйся, Небеснаго Отечества
пламенно возжелевый.

Радуйся, Христа всем сердцем
возлюбивый.

Радуйся, благое иго Христово на
себе восприемый.

Радуйся, совершеннаго
послушания исполненный.

Радуйся, святых заповедей
Господних блюстителю верный.

Радуйся, ум твой и сердце в Бозе
молитвенно утвердивый.

Радуйся, столпе благочестия

непоколебимый. Радуйся,
преподобие Серафиме, Саровский
чудотворче.

Кондак 4

Бурю злых напастей утишая,
прошел еси весь путь тесный и
скорбный подвига иноческаго, несый
ярем пустыннаго жития, затвора и
молчания, многонощнаго бдения, и
тако благодатию Божиею восходя от
силы в силу, от деяния к
боговидению, преселился еси во
обители горния, идеже со ангелы
поеши Богу: Аллилуиа.

Икос 4

Слышаще и видяще святое
житие твое, преподобне отче
Серафиме, вся братия твоя

удивляхуся тебе, и приходяще к тебе,
поучахуся о словесех твоих и
подвизех, славяще Господа, дивнаго
во святых Своих. И мы вси с верою и
любовию восхваляем тя, преподобне
отче, и вопием ти сице:

Радуйся, всего себе в жертву
Господеви принесый.

Радуйся, на высоту безстрастия
возшедый.

Радуйся, воине Христов
добропобедный.

Радуйся, Небеснаго
Домовладыки рабе благий и верный.

Радуйся, предстателю о нас пред
Господом непостыдный.

Радуйся, к Богородице
молитвенниче наш неусыпный.

Радуйся, пречуднаго
благоухания крине пустынный.

Радуйся, благодати Божия
сосуде непорочный.

Радуйся, преподобне Серафиме,
Саровский чудотворче.

Кондак 5

Божественный свет осия
жилище твое, преподобне, егда,
болящу ти и на одре смертном
лежащу, Сама Пречистая Дева
пришедши к тебе со святыми
апостолы Петром и Иоанном, рече:
«Сей есть от рода нашего», – и главе
твоей коснуса. Абие же исцелев,
воспел еси благодарне Господеви:
Аллилуиа.

Икос 5

Видя враг рода человека чистое и святое житие твое, преподобне Серафиме, восхоте погубити тя: наведе бо на тя люди злы, иже беззаконно истязашу тя и еле жива суща оставиша; ты же, отче святой, яко агнец кроток, вся претерпел еси, за обидящих тя Господеви моляся. Темже мы вси, таковому твоему незлобию дивящися, вопием ти:

Радуйся, в кротости и смирении твоём Христу Богу подражавый.

Радуйся, незлобием твоим духа злобы победивый.

Радуйся, чистоты душевныя и телесныя хранителю усердный.

Радуйся, пустынниче, дарами благодатными преисполненный.

Радуйся, подвижнице,
богопрославленный и прозорливый.

Радуйся, наставнице монахов
предивный и богомудрый.

Радуйся, Святыя Церкви похвале
и радование.

Радуйся, обители Саровския
славо и удобрение.

Радуйся, преподобне Серафиме,
Саровский чудотворче.

Кондак 6

Проповедует пустыня Саровская
подвиги и труды твоя, богоносне
угодниче Христов: дебри бо и леса ея
молитвою облагоухал еси, пророку
Божию Илии и Крестителю
Господню Иоанну подражая, и
явился еси пустыни прозябение

многоплодное дарами Духа Святаго. Егоже действием многая и преславная совершил еси, подвизая верных воспевати благих подателю Богу: Аллилуиа.

Икос 6

Возсия в тебе новый боговидец, Моисею подобный, Серафиме блаженне: непорочно бо служение алтарю Господню совершая, сподобился еси зрети Христа, во храме со безплотными силами грядуща. Сему Божию о тебе благоволению дивящися, воспеваем ти сице:

Радуйся, боговидче преславный.

Радуйся, светом трисиянным озаренный.

Радуйся, Пресвятая Троицы
служителю верный.

Радуйся, Духа Святаго жилище
украшенное.

Радуйся, Христа со Ангелы
телесныма очима лицезревый.

Радуйся, в бреннем телеси
райскую сладость предвкусивый.

Радуйся, хлебом жизни
насыщенный.

Радуйся, питием бессмертия
напоенный.

Радуйся, преподобне Серафиме,
Саровский чудотворче.

Кондак 7

Хотя Человеколюбец Господь
явити в тебе, преподобне, Свое
неизреченное к людям милосердие,

показа ты яко воистинну светило богосветлое: дела бо и словеса твоими всех приводил еси ко благочестию и любви Божией. Темже, сиянием подвигов твоих просвещени и хлебом учения твоего насыщени, тебе усердно величаем и прославльшему ты Христу вопием: Аллилуиа.

Икос 7

Новаго видяще ты избранника Божия, издалеча притекаху к тебе вернии в скорбех и болезнях: и сих бедами отягченных не отринул еси, источая целения, даруя утешение, предстательствуя в молитвах. Темже исхождаше во всю землю Российскую вещание чудес твоих, и

сице ты славляху духовная чада твоя:

Радуйся, пастырю наш добрый.

Радуйся, отче милостивый и кроткий.

Радуйся, врачу наш скорый и благодатный.

Радуйся, немощей наших целителю милосердый.

Радуйся, в бедах и обстояниях помощниче скорый.

Радуйся, грядущая яко настоящая провидевый.

Радуйся, прегрешений сокровенных обличителю прозорливый.

Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 8

Странное чудо видим на тебе, преподобне: яко старец сый немощный и притрудный, тысящу дний и тысящу ноций на камени в молитве пребывал еси. Кто доволен изрещи болезни и борения твоя, блаженне отче, яже претерпел еси, воздея преподобнии руце твои к Богу, Амалика мысленнаго побеждая и Господеви поя: Аллилуиа.

Икос 8

Весь еси желание, весь сладость, Сладчайший Иисусе! – тако в молитвах взывал еси, отче, в пустыннем безмолвии твоём. Мы же, суетою помраченнии и во гресех все житие иждившии, восхваляюще любовь твою ко Господу, сице

вопием ти:

Радуйся, любящим и чтущим тя
ходатаю спасения.

Радуйся, приводяй грешников ко
исправлению.

Радуйся, молчальниче и
затворниче предивный.

Радуйся, молитвенниче о нас
усердный.

Радуйся, пламенную любовь ко
Господу показавый.

Радуйся, огнем молитвы стрелы
вражия попаливый.

Радуйся, свеще неугасимая,
молитвою в пустыни пламенеющая.

Радуйся, светильниче горяй и
светяй даровании духовными.

Радуйся, преподобне Серафиме,

Саровский чудотворче.

Кондак 9

Все естество ангельское удивися
странному зрению: старцу бо сушу в
затворе, небесе и земли Царица
явися, повелевающи, да открит
затвор свой и да не возбранит людем
православным внити к себе, но да
всех пети научит Христу Богу:
Аллилуиа.

Икос 9

Ветии многовещаннии не
возмогут изрещи крепость любве
твоя, блаженне: предал бо еси себе
на служение всем приходящим к
тебе, повеление Богоматере
исполняя, и был еси недоумевающим
советник благий, унывающим

утешитель, заблуждающихся кроткое
вразумление, болящих врач и
целитель. Сего ради вопием ти:

Радуйся, от мира в пустыню
вселившийся, да добродетели
приобрещаши.

Радуйся, из пустыни во обитель
возвратившийся, во еже добродетели
семена сеяти.

Радуйся, Духа Святаго
благодатию осиянный.

Радуйся, кротости и смирения
исполненный.

Радуйся, притекавшим к тебе
отец чадолюбивый.

Радуйся, в словесех любви
ободрение и утешение им подававший.

Радуйся, приходящая к тебе

радостью и сокровищем
именовавший.

Радуйся, за любовь твою святую
радостей Небеснаго Царствия
сподобивыйся.

Радуйся, преподобне Серафиме,
Саровский чудотворче.

Кондак 10

Спасительнаго твоего подвига,
преподобне, достигль скончания, на
молитве коленопреклонно, святую
душу твою в руке Божии предал еси,
юже Ангели святии вознесоша горе
ко престолу Вседержителя, да со
всеми святыми предстоиши во славе
невечерней, воспевая песнь
хвалебную святых Святейшему
Слову: Аллилуиа.

Икос 10

Стена всем святым и иноком
отрада, Пресвята Дева пред
кончиною твоею явися ти,
провозвестивши близкое твое к Богу
отшествие. Мы же, дивящиеся
таковому посещению Богоматере,
вопием ти:

Радуйся, небесе и земли Царицу
лицезревый.

Радуйся, явлением Божия
Матере обрадованный.

Радуйся, весть от Нея ко
преселению небесном приемый.

Радуйся, праведною кончиною
святость жития твоего показавый.

Радуйся, в молитве пред иконою
Богоматере умиленный дух твой Богу

предавый.

Радуйся, неболезненным
исходом проречения твоя
исполнимый.

Радуйся, венцем бессмертия от
руки Вседержителя увенчанный.

Радуйся, блаженство райское со
всеми святыми унаследовавый.

Радуйся, преподобне Серафиме,
Саровский чудотворче.

Кондак 11

Пение непрестанное Пресвятей
Троице вознося, преподобне, всем
житием твоим подвижник великий
благочестия явился еси, заблуждшим
на вразумление, болящим душою и
телом на исцеление. Мы же,
благодарни суще Господеви за

такую милость Его к нам, выну
зовем Ему: Аллилуиа.

Икос 11

Светоподательный светильник
быв в житии, Богоблаженне отче, и
по смерти твоей, возсиял еси яко
светозарное светило Российския
земли: источаеши бо от честных
мощей твоих токи чудес всем с
верою и любовью к тебе
притекающим. Темже мы яко
молитвеннику о нас теплому и
чудотворцу вопием ти:

Радуйся, множеством чудес от
Господа прославленный.

Радуйся, любовью твоею всему
миру возсиявый.

Радуйся, любви Христовы

верный последователю.

Радуйся, утешение всем
требующим твоея помощи.

Радуйся, источнике чудес
неоскудеваемый.

Радуйся, болящих и недужных
исцелителю.

Радуйся, воды многоцелебная
кладезю неисчерпаемый.

Радуйся, яко вся концы земли
наша любовь твою объял еси.

Радуйся, преподобне Серафиме,
Саровский чудотворче.

Кондак 12

Благодать и велие твое
дерзновение пред Богом ведуще,
тебе, преподобне отче, молимся:
молися тепле ко Господу, да хранит

Церковь Свою Святую от неверия и раскола, от бед и напастей, да поем тобою благодееющему нам Богу: Аллилуиа.

Икос 12

Поюще Твое прославление, ублажаем тя, преподобне, яко многомошна молитвенника о нас пред Господем, утешителя и заступника, и с любовью возглашаем ти сице:

Радуйся, Церкви Православныя похвале.

Радуйся, Отечеству нашему щит и ограждение.

Радуйся, путеводителю, всех к небеси направляяй.

Радуйся, защитниче наш и

покровителю.

Радуйся, силою Божиею многая
чудеса содеявый.

Радуйся, ризою твоею многая
недужныя исцеливый.

Радуйся, вся козни диавольския
победивый.

Радуйся, звери дикия кротостию
твоею покоривый.

Радуйся, преподобне Серафиме,
Саровский чудотворче.

Кондак 13

О, предивный угодниче и
великий чудотворче, преподобне
отче Серафиме, прими малое сие
моление наше, в похвалу тебе
возносимое, и предстоя ныне
престолу Царя царствующих,

Господа нашего Иисуса Христа,
молися о всех нас, да обрящем
милосердие Его в день судный, в
радости поюще Ему: Аллилуиа.

*Кондак 13 глаголи трижды, а по
сем читается Икос 1 и Кондак 1.*

Молитва преподобному Серафиму

О, пречудный отче Серафиме,
великий Саровский Чудотворче, всем
прибегающим к тебе
скоропослушный помощниче! Во дни
земнаго жития твоего никтоже от
тебе тощ и неутешен отыде, но всем
в сладость бысть видение лика
твоего и благоуветливый глас словес
твоих. К сим же и дар исцелений, дар
прозрения, дар немощных душ
врачевания обилен в тебе явися. Егда
же призва тя Бог от земных трудов к

небесному упокоению, николиже
любовь твоя преста от нас, и
невозможно есть исчислити чудеса
твоя, умножившаяся, яко звезды
небесные: се бо по всем концем
земли нашаея людем Божиим
являешия и даруеши им исцеления.
Темже и мы вопием ти: о, претихий
и кроткий угодниче Божий,
дерзновенный к Нему молитвенниче,
николиже призывающия тя отриваяй,
вознеси о нас благомошную твою
молитву ко Господу сил, да укрепит
державу благовернаго царя нашего,
да дарует нам вся благопотребная в
жизни сей и вся к душевному
спасению полезная, да оградит нас
от падений греховных и истинному

покаянию научит нас, во еже
безпреткновенно внити нам в вечное
Небесное Царство, идеже ты ныне в
незаходимей сияеши славе, и тамо
воспевати со всеми святыми
Живоначальную Троицу во веки
веков. Аминь.

Список использованной литературы

1. Денисов Л. Житие преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2005.

2. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии, Ардатовского уезда с жизнеописанием основателей ее преподобного Серафима и схимонахини Александры / Сост.

Архим. Серафим (Чичагов). М.: Изд Богородице-Рождественского женского м-ря, 1996.

3. Акафист преподобному и богоносному отцу нашему Серафиму, Саровскому чудотворцу. Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский м-рь, 1993.

4. Поселянин Е. Русские подвижники XIX века. Калуга: Синтагма, 1996.

5. Поселянин Е. Русская церковь и русские подвижники XVIII века Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1990.

7. Преподобный Серафим Саровский в воспоминаниях современников. М.: Ковчег, 2009.

8. Свенцицкий Валентин, прот. Преподобный Серафим. Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский м-рь, 1995.

9. Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь: Путеводитель. Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский м-рь, 2000.

10. Мотовилов Н. А. Беседа преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни: Дух Божий, явно почивающий на отце Серафиме Саровском, в беседе его о цели христианской жизни с симбирским помещиком и совестным судьей Н. А. Мотовиловым (из рукописных

воспоминаний Н. А. Мотовилова).
San Francisco, 1968.

11. Нилус С. А. На берегу
Божьей реки. San Francisco: Herman
1969.

12. Ильин В. Н. Преподобный
Серафим Саровский. Париж: YMCA
press, 1925.

13. Мотовилов Н. А. Записки.
М.: Свято-Троицкий Серафимо-
Дивеевский женский м-рь: Отчий
дом, 2005.

14. Троицкий Д., прот. К 35-
летию открытия мощей прп.
Серафима Саровского. Париж, 1938.

15. Полный молитвослов и
псалтирь на всякую потребу. СПб.:
Общество святителя Василия

Великого, 2008.

Примечания

1

Мотовилов Н. А. Беседа преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни: Дух Божий, явно почивающий на отце Серафиме Саровском, в беседе его о цели христианской жизни с симбирским помещиком и совестным судьей Н. А. Мотовиловым (из рукописных воспоминаний Н. А. Мотовилова). San Francisco, 1968.

2

Пустынью именуется монастырь с окрестностью, в которой могут поселиться отшельники-пустынники.

В XVIII веке вышло государственное распоряжение: «отшельникам не быть нигде». С тех пор отшельники были приписаны к монастырю.

3

Отметим здесь, что св. затворник Досифей скончался 25 сентября 1776 года; следовательно, Прохору было не более 17 лет, когда он явился к нему, вероятно, в лето 1776 года, незадолго до смерти затворника. Знаменательно, что образ смерти затворника Досифея и прп. Серафима один и тот же: оба были найдены умершими в молитвенном положении, стоя на коленях, как, впрочем, еще в начале XVIII столетия скончался и святитель

Димитрий Ростовский.

4

Летопись Дивеевская указывает на некоторые только произведения, не считая Священного Писания в целом: «Шестоднев» свт. Василия Великого, «Беседы» прп. Макария Великого, «Лествица» прп. Иоанна, «Добротолюбие»...

5

В. Н. Ильин. Преподобный Серафим Саровский. 2-е изд. Париж, 1930. С. 110.

6

Оспаривая указанное прп. Серафимом место для сооружений собора, сторонники Ивана Тихонова, среди которых были и представители

местных духовных властей, выставляли следующий довод: «Отец Серафим человек неофициальный, а мы имеем официальный план».

7

Летопись упоминает, по свидетельству жены Н. Мотовилова, об одной из них, что «однажды на работе, снимая Прасковью Семеновну со стога сена, батюшка Серафим сказал ей: «Ты, радость моя, превыше меня!» А сестрам открыл, что она будет юродствовать».

8

Сергей Александрович Нилус (1862–1929) – выдающийся духовный писатель, орловский дворянин,

духовное чадо старца Оптиной
пустыни схиархимандрита
Варсонофия. Автор книг «Великое в
малом» (1903; в этой книге впервые
была напечатана Беседа прп.
Серафима с Н. А. Мотовиловым с
цели христианской жизни), «Сила
Божия и немощь человеческая»
(1908), «Святыня под спудом»
(1911), Оптинского дневника «На
берегу Божьей реки» (1916) и «Близ
есть при дверех» (1917).